

Конкурс «Нефигальная
фантазия»

Победитель

Литрес

Эстель Нолдиэ

О чем поет
менестрель

Эстель Нолдиэ

О чем поет менестрель

<https://litres.ru/73286429>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир, сотканный Леди Судьбой, держится на законе – свободе выбора. Падший Хранитель, заточённый в сердце вражеской северной страны, жаждет уничтожить главный символ свободы – Священное Древо Судьбы – чтобы навсегда избавить мир от мук выбора, даже ценой его гибели.

На фоне кровопролитной войны сплетаются жизни героев, которым предстоит пройти через ад предательства, через собственные падения и восстания, пережить крушение идеалов. Порой, чтобы победить тьму, нужно в неё погрузиться самим. Хватит ли им силы и мужества выстоять в этой борьбе и сохранить способность любить и видеть свет там, где его, кажется, нет?

Содержание

Пролог	4
Часть первая	7
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	38
Глава 5	49
Глава 6	56
Глава 7	62
Глава 8	68
Глава 9	76
Глава 10	82
Глава 11	89
Глава 12	100
Глава 13	115
Глава 14	125
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Эстель Нолдиэ

О чем поет менестрель

Пролог

Моё имя Нимрас, я бродячий менестрель. Люди порой называют меня Странником Вечности, я один из тех, кто хранит этот мир.

Моя старая лютня знает немало песен – печальных и радостных, победных и скорбных, об алых закатах, что тонут в безбрежных морях, об отважных героях, о беззаветной любви. Но есть одна, что навеки сплелась с мелодией моей собственной жизни, стала частью души.

Я давно уже пью из бездонного кубка бессмертия, но ни одно вино не обжигало так горло, как память о тех событиях. Я взял в руки перо, чтобы всё записать, чтобы из слов соткать гобелен многих судеб, пока время не стёрло навеки некогда яркие краски.

В начале, когда ещё не было этого мира, не было ни времени, ни пространства, был Вечный Свет, хранящий в Себе Жизнь. Свет тихий и нежный, как материнские руки. Любовь изливалась из этого Света. Имя Ему – Эу, что значит Живой.

И сотворил Эу мир. Сотворил землю, окружённую водами, сотворил небо, усыпанное звёздами, сотворил светила для смены дня и ночи. Заселил этот мир людьми и животными, чтобы жили они в Его свете и каждый мог ответить на Его любовь по зову своего сердца.

И была у Эу дочь, прекрасная Судьба. И подарил ей Эу сотворённый мир, чтобы хранила она его и заботилась. Одно лишь условие поставил ей Отец: никогда не нарушать свободы живущих, но сплестать их пути, исходя из их выбора.

И вырастил Эу в центре земли на самой высокой горе Священное Древо Судьбы, чтобы напоминало оно о нерушимости человеческой свободы. И чтобы каждый из живущих мог при желании посвятить свою жизнь служению Свету, лишь бы имел он чистое сердце и мужество. Ибо служение это давало вечную жизнь в человеческом теле. Так в мире со временем стали являться Хранители. И каждый из них должен был хранить то, что доверено ему Судьбой.

И плела Леди Судьба тончайшие нити из Света, и сплетала пути всех живущих, чтобы каждый из них мог сделать свой выбор.

И вот тогда, когда тень от Священного Древа, точно крылья наседки, бережно укрывала людей, а мелодии судеб слились почти в унисон, прозвучала та нота, с которой я и начну свою песню...

Часть первая

Глава 1

Робин был в пути уже несколько дней. Один раз ему повезло с ночлегом под крышей дома гостеприимного кузнеца. Остальное время он проводил под открытым небом.

Что заставило его покинуть родной дом? Он мог сказать, что война. Но это было бы правдой только отчасти.

Родителей своих Робин не помнил, воспитывала его бабушка. А о прошлом она говорить не любила, частенько по вторяя: «Прошлое прошло, будущее только будет. А каким оно будет, выбирать тебе». Вот Робин и выбрал. После смерти единственного близкого человека он собрал нехитрые пожитки в дорогу и тронулся в путь. Он видел своё предназначение в том, чтобы помогать людям, защищать слабых. Он мечтал стать настоящим воином, попасть в отряд славного лорда Тальхура. И сейчас на этом пути не виделось никаких препятствий.

К возможным трудностям он был готов. Во всяком случае сам так считал. В глаза войне и смерти он заглянул впервые, когда ему едва исполнилось тринадцать. Эрнийцы напали на их деревню. Жгли дома, хватали пленных. Защитники подоспели вовремя, но несколько дней пришлось отбиваться от недругов. Тогда-то и пригодилась расторопность смышлёно-

го мальчишки: при острой нехватке лекарей он взялся помогать раненым, на ходу осваивая врачебную премудрость. Впрочем, уже в то время вместо бинтов и мазей он предпочёл бы в руках держать меч: пылкое сердце тянуло на подвиги. Да и меч у него имелся – подарок одного старого воина.

Робин вдруг вспомнил, как однажды бросился в бой, вопреки запрету командира, за что едва не поплатился жизнью (сорванец тогда чуть было не угодил в лапы врагов, и если бы не командир, чудом оказавшийся рядом, не видать бы бабке своего внука. Хотя и крепкий подзатыльник он тоже тогда получил).

Теперь он был уже не тем мальцом, что три года назад. Робин считал, что умеет владеть мечом, хоть противниками ему служили бревно да крапива. Вот только озорной взгляд зелёных глаз из-под вихрастой светлой чёлки и милая улыбка выдавали в нём отнюдь не воина, а скорей, романтика, мальчишку, по уши влюблённого в жизнь и безоговорочно верящего в победу добра. Возможно, виной тому была любовь к искусству. Он почти не выпускал из рук карандаша и бумаги для рисования. Да когда-то посчастливилось ему взять несколько уроков музыки у заезжего менестреля. Старенькая лютня за спиной уже не раз спасала его от гнёта одиночества особо тёмными ночами.

Война вокруг не затихала. И Робин чувствовал, что должен попытаться исполнить свою мечту: дойти до Энтина, где, как он слышал, стоял отряд самого лорда Тальхура, старшего

сына короля Ханталии Торруса.

Робин шёл, тихонько напевая себе под нос незатейливую мелодию. Сойдя с проезжего пути, он бодро зашагал по цветущему лугу, вдыхая травный аромат и своим негромким голосом сливаясь с трелями кузнечиков и писком мелкой луговой живности. Ему осталось миновать небольшой лес, после чего, по его расчётам, он сможет выйти напрямик к воротам города. А там дело за малым: отыскать военачальника и вступить в ряды отважных воинов.

Под сенью зелёных крон певец решил немного помолчать, чтобы насладиться звуками природы. Кто знает, когда ещё представится подобная возможность. Но вместе с ним почему-то замолчал и лес: ни птиц, ни ветра, что играл до этого с листвой, сейчас не было слышно. Тишина казалась густой и липкой. Напряжение сковало тело, слух пытался уловить хоть что-то. Но даже при этом ноги несли чрезмерно любопытную голову навстречу неизвестности.

Послышался подозрительный звук. Там, впереди, за небольшим холмом кто-то был. Обрывки фраз, ругательства, грубый смех. Высунувшись на миг из зарослей высокого папоротника, Робин тут же нырнул обратно. Не осталось и намёка на прежнюю храбрость. Сердце пыталось пробить грудную клетку, а разум сдал свои позиции, уступив место смятению и панике.

Эрнийцы, или тёмные, как иногда их называли, в любой момент могли заметить Робина. Да что там заметить! Его

могли учуять. Враги Ханталии тем и были опасны, что не являлись обычными людьми. Народ Лунного Волка – так они звали себя, обладали в совершенстве и качествами этого зверя: острым нюхом, тончайшим охотничьим слухом и возможностью видеть в темноте. О происхождении северных людей ходили разные слухи. Но Робину от этого сейчас было не легче.

Нервно сглотнув слюну, он попятился, стараясь не шуметь. Но левая нога предательски запнулась за корягу, и Робин кубарем под звонкий треск ломающихся веток скатился с пригорка. В футляре жалобно звякнула лютя, но ему было не до неё. Рывком вскочив с земли, он пустился наутёк в ближайшие кусты. С тем шумом, что он устроил, можно было уже и не надеяться убежать незаметно.

За ним гнались.

* * *

Запись в книге поступлений лазарета города Энтина, датированная 20 мая 2023 года от сотворения Древа Судьбы.

«Эльвегорн, следопыт.

Поступил в бессознательном состоянии, доставлен патрулем пограничной стражи.

Имеет колотые ранения в области правого плеча и грудной клетки, нанесённые стрелами. Лихорадка. Бред.

Личные вещи: разорванный дозорный плащ, большой лук (стрел при нём не имелось), кинжал с гравировкой имени, полуторный меч, дорожная сумка.

Назначение:

1. Промывание ран настоем травы таларина.
2. Мазь из экстракта арвенара.
3. Полный покой.

Подпись: Аэглис, главный целитель лазарета г. Энтина».

Всё заливал мягкий изумрудный свет. Молодой следопыт

Эльвегорн стоял на вершине священной горы Эльтэрис около Древа Судьбы. Глаза странным образом ломило от непривычного свечения, хотя оно не было ярким.

Сотни дорог и тропинок виднелись внизу. Где-то сливались, местами расходились, порой сплетались в причудливые узоры. Следопыт догадался, что перед ним судьбы разных людей. Он отыскал и свою: дорога петляла. Кое-где разбегалась на несколько троп, пересекалась с другими, но большая часть тонула во тьме.

– Эльвегорн, – раздался откуда-то голос, – твоя рана глубже тех, что тебе нанесли эрнийские стрелы. Ты позволяешь гордыне властвовать над тобой. Ещё не поздно. Остановись.

Эльвегорн усмехнулся.

– Кто бы ты ни был, я знаю, что и зачем я делаю, – твёрдо сказал следопыт. И резко открыл глаза.

Белоснежный потолок ослепил на мгновение. Эльвегорн прикрыл веки и попробовал вспомнить, где он и как здесь оказался. Тело было словно спелёнуто в боль, мысли путались. Смутно припомнился сон. Или не сон?

Эльвегорн попытался подняться. Острая боль взорвалась в правом плече. Рука потянулась к лицу.

– Проклятие предков! – выругался следопыт, почувствовав на щеке щетину. Он ещё никогда не позволял себе так зарастать. Бритва в руке по утрам – это первое дело, сродни ритуалу. Даже в дозоре. В списке внутренних правил из этого исключений быть не могло. Почему для него это было

так важно, он бы и сам не ответил. Может, ещё один способ сказать остальным, что он не такой, как все.

Хотелось курить. И наконец-то побриться.

Преодолевая боль, Эльвегорн поднялся с постели и заглянул в смежную комнатку, где лекари обычно готовили и хранили лекарства.

Молодая сестра в белой косынке расставляла на полке различные склянки. Главный целитель поручил навести здесь порядок и заодно присмотреть за «тяжёлым»: следопыт пятый день находился на грани жизни и смерти.

– Где мои вещи?

Девушка вздрогнула от неожиданности, выпустив из руки бутылёк. Тот с гулким шлепком разбился о каменный пол, а его содержимое медленно растекалось какой-то кровавой кляксой под ноги сестре.

– Вам ещё нельзя вставать! – она резко обернулась на голос и не знала, радоваться ли ей тому, что больной наконец-то пришёл в сознание, или бояться опять за его жизнь из-за неуместной прыткости.

Эльвегорн не ответил, но свой вопрос повторил.

– Где мои вещи?

– Вернитесь в кровать, Вы...

Но он так посмотрел на сестру, что спорить с ним ей захотелось.

Быстро сообразив, с кем имеет дело, она жестом показа-

ла идти за ней. В соседней комнате, за светлой занавеской скрывалась небольшая ниша, где следопыт и нашёл, что искал.

– Если откроются раны, это будет уже не наша вина.

– Знаю, – отрезал он и вышел.

Свежий воздух ворвался в лёгкие, голова закружилась. Эльвегорн натянул на лицо капюшон плаща и прислонился к стене. Немного придя в себя, двинулся дальше.

В доме, где он остановился, как и ожидал, было пусто. Милейшая старушка, хозяйка жилища (милейшая лишь потому, что никак не касалась дел следопыта) частенько пропадала на рынке.

Сейчас первым делом было расстелено полотенце на краю кухонного стола. Следопыт не спешил. Сталь опасной бритвы блеснула холодным лучом, отразив свет из окна. Эльвегорн намылил лицо. Движения были размеренными, чёткими, отточенными годами. Лезвие мягко скользило по коже, словно перо по хорошей бумаге, оставляя после себя гладкую, чистую дорожку. С лёгким покалыванием после бритья кровь прилила к лицу. Стало легче.

Из старого буфета достал бутылку вина. Бабуля любила по вечерам пропустить стаканчик «для сугрева костей», как она выражалась. Где уж она доставала эту «сугревательную жидкость» в военное время в таких объёмах, он тоже не знал. В конце концов у каждого есть своя тайна.

В комнате Эльвегорн с кружкой вина в руке опустил в

скрипучее кресло. Ему нужно было подумать и просто прийти в себя.

«— А бабка знает толк в вине», — с усмешкой заметил он про себя, сделав небольшой глоток.

Глава 2

Ветки деревьев безжалостно хлестали по лицу, оставляя на щеках алые полосы. Кусты, как нарочно, цеплялись за одежду, словно пытались остановить беглеца. Робин бежал, не разбирая дороги. Изрядно уставшие ноги то и дело путались в высокой траве, а выступающие из земли крючковатые корни деревьев становились коварными ловушками на его пути.

Каждый раз, когда он спотыкался и падал, сердце замирало от страха – преследователи неумолимо приближались. Их тяжёлое дыхание и яростные крики эхом разносились по лесу, словно плетью подстёгивая и без того перепуганного Робина.

Вскоре лес заметно поредел, а звуки погони затихли, растаяли где-то в глуши. Видно, враги решили, что эта добыча не стоит подобных усилий. Выскочив на дорогу, Робин помчался по ней.

Добравшись до городских, наглухо запертых массивных ворот, он вдруг понял, что попасть в это время в город может оказаться делом совсем не из лёгких. Но всё-таки постучал.

Стражник внутри опустил смотровое окошко, внимательно оглядел пришедшего, и спросил кто он и зачем пришёл.

Робин, преодолев секундное замешательство, вдруг неожиданно выдал:

– А я, это... Мне нужно увидеть Лорда Тальхура. Я в общем-то лекарь, и хотел кое-что с ним обсудить. Он меня ждёт. Так-то вот. С этим не стоит тянуть, если Вам дорого Ваше место и звание... – но договорить он не успел из-за окрика стражника.

– Ха, малец, ещё не вошёл, а уже угрожаешь. Насчёт тебя не было никаких распоряжений. И почему я должен думать, что ты не шпион?

– Что?! С чего бы мне?

– Да видно же по лицу. Воду мутишь. Лучше давай подру-поздорову проваливай откуда пришёл!

Робин состроил капризную мину и фыркнул. Он попадёт в город в любом случае. Зря что ли пришлось такой путь проделать, да ещё и рискуя своей драгоценной жизнью? От-чего-то простая мысль – сказать правду – в его светловоло-сую голову не приходила.

Он с озабоченным видом побрёл вдоль стены, втайне на-деясь найти хоть какую-нибудь лазейку. Раз уж его решили принять за шпиона, значит, и в крепость он сможет проник-нуть каким-нибудь тайным путём.

Острый, внимательный взгляд зацепился за странный пригорок, на котором покоились полусгнившие серые дос-ки, увитые сверху плющом. Под ними Робин нашёл доволь-но узкий лаз, видно, давно заброшенный водосток. Хоть и с трудом, но Робин протиснулся в тёмное нутро колодца. На свой страх и риск, толком не видя дна, он повис на руках, а

затем прыгнул вниз. К счастью, там оказалось неглубоко. В нос резко ударило затхлостью и плесенью. Сырость подземелья давила на грудь, словно чьи-то крепкие невидимые руки сжимали лёгкие. Тьма впереди была непроглядной и почти осязаемой. С каждым шагом вглубь хода она обволакивала, проникая в каждую мысль и каждую клеточку тела, заставляя сердце стучать учащённо из-за необъяснимого страха. Но желание попасть в город было куда сильнее.

Монотонный стук капель, срывающихся с неразличимого глазом свода, действовал на нервы. Гулкие звуки эхом отскакивали от каменных стен, создавая странную симфонию страха и безысходности.

«— Хоть бы искорку света...» — подумалось Робину.

Скрипя подошвами по влажному камню, он осторожно ступал, стараясь обходить стоячие, жутко воняющие лужи.

И вот, наконец, впереди чуть рассеялась тьма. Мелькнул слабый, едва различимый свет. Робин ускорил шаг и уже через несколько минут стоял под железной решёткой, служившей сейчас неким символом жизни и сладкой свободы. Он нашёл небольшие уступы в стене, подобрался по ним к последней преграде и резко сдвинул решётку в сторону.

Что ж, госпожа Удача и на этот раз одарила его поцелуем.

Один рывок вверх – Робин подтянулся на руках и ловко выбрался из подземного царства. Пока его никто не увидел, быстро скользнул за угол ближайшего дома. Прижавшись к шершавой стене, какое-то время пытался просто спокойно

дышать. Затем осмотрелся.

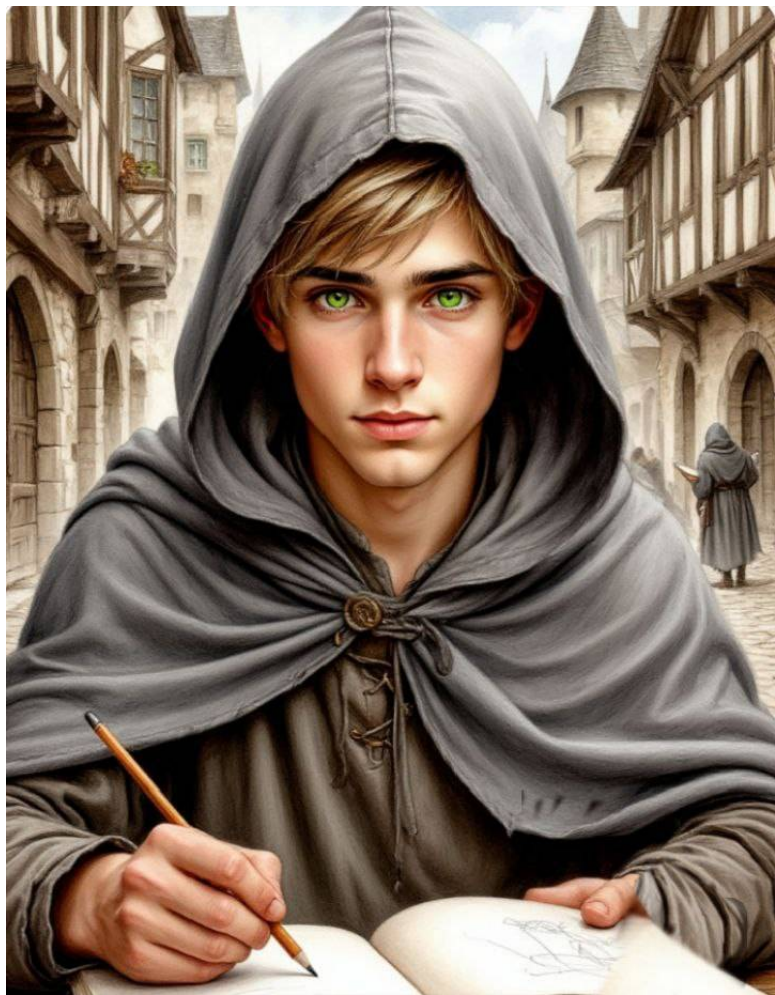
Улочка, на которой он оказался, была тихим и немощёным тупиком, заставленным бочками и ящиками, от которых несло рыбой и чем-то ещё весьма неприятным. Зато здесь никого не было. Робин достал из дорожной сумки последнюю краюху хлеба и принялся жадно жевать. Закончив со скудной трапезой, он поднялся на ноги, стряхнул с себя грязь, на всякий случай вытер изнанкой плаща лицо и покинул укрытие.

Крепость, что снаружи казалась неприступной твердыней, внутри кольца стен жила обычной мирной жизнью. Для человека, который никогда не покидал своей деревни, этот архитектурный исполин виделся чудом, от которого по спине пробегал трепетный холодок восхищения.

В толпе прохожих и нищих Робин не так уж и выделялся. Он вполне мог сказать у ворот, что всего лишь беженец, представиться попрошайкой – его бы пустили сразу. Но Робин ничуть не жалел о проделанном трюке с колодцем.

После недолгих блужданий по узким улочкам Робин вдруг вышел на просторную площадь с высокими башнями и непривычными его глазу строениями.

Не обращая внимания на спящих прохожих, он извлёк из потрёпанной сумки свой небольшой самодельный альбом и карандаш. Умелые пальцы привычно ловили нужные линии, оставляя на белом листе застывший миг этой жизни.

Прямо перед ним возвышался древний замок. Через несколько минут тот нашёл своё место в альбоме в виде изящного наброска.

Этот замок так и манил, обещая исполнить мечту. Робин был почти уверен, что именно здесь, за этими стенами, находится тот, кто способен превратить его в настоящего воина.

Закончив рисунок, Робин спрятал альбом и застыл, замороженно глядя на неприступные башни. Время на мгновение утратило над ним власть, он перестал ощущать его ход.

Вдруг из ворот цитадели показалась фигура. Робин насто-рожился. На юном лице заиграла лукавая улыбка – Судьба снова дала ему шанс.

Почти в один миг Робин очутился перед воином в серо-зелёном плаще. Внутри всё трепетало от волнения, глаза нездорово сияли, но, вспомнив о цели своего прихода, он постарался придать лицу серьёзное выражение.

– Ты... – начал было Робин, но тут же поспешно исправился: – Вы из отряда Тальхура? Он здесь? У меня к нему срочное дело.

Весь его облик сейчас, несмотря на старания, казался по-юношески незащитным. Воин же, что вышел из замка, выглядел измождённым: бледность лица говорила либо о перенесённой болезни, либо о сильной усталости. С трудом сохраняя уверенный вид, Робин скрестил на груди руки, пытаюсь скрыть охватившее его смятение.

– Срочное дело, значит? – внимательный взгляд следопы-

та, казалось, пронизывал насквозь. Эльвегорн улыбнулся. – Такой юный, а уже пытаешься мне соврать. Не стыдно?

Робин понял, что лжец из него никакой. Он понуро стоял, изучая свои же ботинки и мечтая опять провалиться в тот самый колодец – там хоть совесть так не мучила. Уголки губ нервно дёрнулись. Он решил говорить правду.

– А что мне ещё оставалось делать-то? Уж лучше соврать один раз, зато сделать шаг к дурацкой мечте, – Робин нахмурился.

Медленно обойдя пристыженного юношу вокруг, следопыт продолжил:

– И откуда ты такой? Что ты хотел здесь? Лорд Тальхур серьёзный человек, и ему нет дела до каждого мальчика. Положение сейчас явно не располагает к пустым разговорам.

– Я из деревни Равы. Робин меня зовут. И я хочу стать...

Но тут чья-то крепкая рука схватила его за шкуру и хорошенько встряхнула.

– Тебе не ясно было? Чего тут вынюхиваешь? – уже знакомый голос охранника прогремел над ухом вмиг присмирившего Робина.

Эльвегорн среагировал быстро. Он тут же подтянул мальчишку к себе и закрыл рукой.

– Спокойно. Он со мной. Я разберусь.

Охранник с видимой неохотой отпустил «шпиона», зная, что Эльвегорн на хорошем счету у начальства, и, что-то недовольно бурча под нос, пошёл по своим делам.

Робин фыркнул и резким движением поправил одежду. Хотел показать язык вредному деду, но здравого смысла хватило этого не делать. Хотя в глубине души он злорадствовал.

Взглянув снова на Эльвегорна, он растерялся. От первоначального добродушия на лице воина не осталось и следа. Сильная рука сжала плечо Робина. Эльвегорн проводил взглядом уходящего стражника.

– Итак, я жду объяснений. Сейчас.

– Раз уж Вы за меня заступились... – начал Робин, – я всей душой и сердцем хочу стать настоящим воином. Я видел кровь и сражения, и даже сам участвовал. Ну, почти... Я просто хочу защищать людей, защищать их близких, у кого они ещё есть, как у меня когда-то... – Робин несколько секунд помолчал, собираясь с духом. – Я понимаю, что это всё чистой воды безумство, как и само желание вступить в отряд лорда Тальхура. Но если не он, то кто меня примет? Я устал уже слушать отказы.

Теперь Эльвегорн ясно видел: юнец не врёт. Да и то, что обманывать правдоподобно он не умел, было хорошим знаком. Следопыт не жалел, что за него заступился. В этом мальчишке он видел себя самого несколько лет назад: в этих горящих отвагой глазах, в этом непреодолимом желании встать в первые ряды на защиту других. Только к чему это всё привело? К нескончаемым шрамам на теле и горечи невосполнимых потерь. Мир за высокими стенами был полон крови, а мир внутри – равнодушия. Но стать причиной

гибели ещё одной мечты Эльвегорн тоже не хотел. Сам он добился всего в одиночку, но сможет ли этот юнец повторить его путь?

Следопыт молчал. Думал. Минуту. Две.

Робин прожил за эти мгновения целую вечность.

Третью минуту прервал глубокий вздох.

– Хорошо. Допустим, я отведу тебя к лорду Тальхуру. Но ведь ты понимаешь, что там, – Эльвегорн указал за зубчатые городские стены, – там очень опасно. Намного опаснее, чем кажется. Там крови и ран, потерь и ужасной боли куда больше, чем ты уже видел. Ты точно уверен, что готов к этому?

Готов ли был Робин? Да эти минуты, несущие угрозу отказа – отказа от самой заветной мечты – ему были куда страшнее часов, проведённых на поле боя с врагами. Да он был готов умереть за мечту, умереть славным воином! Так он себя ощущал. И был абсолютно уверен в своей правоте.

– Я не откажусь ни за что от своей мечты. Что бы со мной не случилось, – твёрдо заверил Робин, глядя прямо в глаза Эльвегорна. – Я знаю, на что иду. И лучше умру в бою, чем бродячей крысой с жалким пустым сердцем!

Эта пылкая речь Робина, вся его детская отвага забавляли и умиляли Эльвегорна, прошедшего через ужас войны. Для него существовал негласный закон: сильный обязан быть щитом для слабого, а опытный – научить неопытного.

– Это звучит как бравада, малыш. Боюсь, ты всё равно не

представляешь, что тебя на самом деле ждёт.

Глава 3

Холодный ветер трепал мой плащ, когда я поднимался по извилистой тропе северных гор. Тяжёлые сапоги почти бесшумно ступали по замёрзшей земле, а вокруг царила такая тишина, что можно было услышать, как падает снег. Здесь даже летом изредка случаются снегопады. Вот и сегодня редкие снежинки, как одинокие путники, подобные мне, мягко кружились в сумрачном воздухе и ложились на камни и жухлую траву.

Я – Странник Вечности, служитель Судьбы, моё предназначение – связывать тонкие нити, почти не заметные внешнему взгляду. Я заключён в человеческом теле, которое время не в силах разрушить.

Серые облака низко нависли над вершинами, словно пытались скрыть от мира тайну этого места. Наконец я заметил то, что искал. Впереди, среди серых камней, на скальном уступе, показалась ветхая хижина. Покосившиеся стены до сих пор хранили память о женщине, что когда-то жила здесь, и чья судьба оказалась навеки связанной с судьбой целого народа.

Я толкнул дверь. Она медленно, со скрипом, открылась, пропуская меня в полумрак жилища. Здесь царили холод и сырость. В углу находился некрашенный деревянный сундук, покрытый паутиной. Крышка была слегка приоткрыта, слов-

но ждала моего прихода. Забавно, как Леди Судьба бросает порой такие подсказки мне самому.

Я снял с пояса меч – цель моего прихода. Скоро его найдёт тот, кому это необходимо. Уже заплетаются нити, готовятся встречи. Но что будет после, даже мне не всегда известно.

Медленно опустившись на колени, я положил клинок на дно сундука, среди ветхих, уже никому не нужных вещей.

Я вышел из лачуги и напоследок обернулся. Снег продолжал медленно падать, укрывая следы моего пребывания. В этом мире всё имеет своё время и место. И даже вечности приходится ждать своего часа.

* * *

Руки ломило от ледяной воды, они покраснели и почти не слушались. Хэльда, словно не замечая этого, продолжала полоскать в большой лохани бельё. Горькие слёзы текли по замёрзшим щекам, а жизнь казалась чьей-то дурацкой и злобной насмешкой. В свои шестнадцать Хэльда успела вкусить и, пожалуй, насытиться горечью этой нелепой штуки, которую все называют почему-то жизнью. Какая же это жизнь, если с самого детства она лишена была ласки родителей? Если должна была трудиться не покладая рук, и даже спасибо никто ей не скажет? Обида и горечь огнём жгли её сердце.

Здесь, в Эрне, даже природа, казалось, не знала, что такое любовь и тепло. Суровые снежные горы, как шпили, втыкались в бездушное серое небо. Летом на вечно жухлой и бледной траве – ни цветочка. Зимой – всё под снегом. Лишь холод. Колючий. Безжалостный. И волчий вой. Нескончаемый. Пробирающий до костей. В этом году лето выдалось как никогда холодным.

Хэльда отжала непослушными руками бельё и развесила тут же, во дворе. Она жила с тёткой, сестрой отца, сухой и строгой. Отец уже несколько лет, как ушёл на войну, да где-то там пропал за горами, в Ханталии. Там, говорят, светит солнце...

В доме тепло от горящего круглые сутки очага. Тётка за прялкой. Угрюмая и молчаливая, как всегда.

Хэльда зашла и тихонько присела в своём уголке.

– Что-то ты бледная совсем. Закончила стирку?

Хэльда кивнула.

– Смотрю на тебя, ну точь-в-точь, как твоя мать, – вдруг заметила тётка. – Правда видела я её только раз. Но такое не забудешь.

Хэльда насторожилась.

– О чём Вы?

– Да ты вся в неё, не такая, как мы. Даже внешне. Кожа вон светлая.

Хэльда и правда давно задавалась вопросом, откуда у неё столько отличий от всех. Народ Лунного Волка был смуглым, черноволосым. У всех глаза серые, с каким-то стальным блеском. Она со своей светлой кожей и голубыми глазами казалась чужой. Только волосы, густые и чёрные, похоже, и давали ей хоть какое-то право жить здесь, среди этих людей.

– Расскажите мне о маме, – вдруг неожиданно для себя попросила Хэльда.

– Да если б я знала, – ответила тётка, – не наша она была, из ханталийцев. Где уж отец твой её подобрал? Сюда привести не мог, не приняли бы. Когда умерла, то тебя вот мне притащил, года три тебе было. Где-то достал амулет, я уж не спрашивала. А то бы тогда и закончилась твоя жизнь. Любил он тебя, – тётка вздохнула. – Да смотри, не болтай никому! Коли жизнь дорога.

Хэльда задумалась. Непроизвольно рука потянулась к груди, где под одеждой висел амулет: волчий клык из лунного серебра. Такие выдавались всем детям сразу при рождении Правителем Эрны, Асмаром Великим. И не дай Волк его потерять! Таких растерях считали почти за предателей и уводили сразу же в Чёрную пещеру, откуда, кроме Правителя, никто никогда не возвращался.

Хэльда враз побледнела. Амулета на шее не было.

Она встала и пошла снова к выходу.

– Я ещё дров принесу, – сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, без дрожи.

Тётка бросила на неё взгляд и кивнула, чуть пожав плечами: мол, дело твоё, раз на месте не сидится.

Хэльда вышла на улицу и бросилась к тому месту, где сегодня весь день стирала. Обыскала всё. На два или три раза. Ничего.

А что она ожидала? Потерять случайно магический амулет невозможно. Такого с ней за шестнадцать лет ещё не было. И ни с кем не было. Просто так амулеты не пропадают. А с ним уходят и звериные способности: острота обоняния и зрения. Но если все остальные, лишённые лунного клыка, послушно брели к месту казни, или что там ещё происходит в той Чёрной пещере, то Хэльда туда отправляться уж точно не собиралась. И жизнь, эта никчёмная серая жизнь, о которой она плакала только сегодня, в один миг показалась весьма дорогой и значимой.

Хэльда села на землю спиной к стене дома и подтянула колени к груди, обхватив их руками. Что делать? Отсутствие амулета долго не скроешь. Уже этой ночью, стоит тётке проснуться и посмотреть случайно в сторону её кровати, станет всё ясно. Амулет в темноте светится мягким холодным светом.

Решение пришло тут же. Бежать. Бежать прямо сейчас. Пока ещё не стемнело, добраться до реки, чтобы хоть на время оборвать следы и оттянуть время погони. А за ней побегут, в этом она не сомневалась.

Хэльда зашла в сени, стараясь не шуметь. Прихватила с собой холщовую сумку, бросила туда сухарей и сушёных ягод, с полки схватила огниво, нашла небольшой отцовский кинжал. Бесшумно прикрыла за собой дверь и в наползающих сумерках, через огороды, стала пробираться к реке. Сердце стучало так сильно, что ей казалось: этот грохот слышит вся деревня.

Здесь был знаком каждый двор. Кралась вдоль заборов, прячась в тени домов. Лёгкие сапоги почти бесшумно ступали по редкой короткой траве. Пахло дымом и вечной тоской. Хэльда то и дело останавливалась, прислушиваясь к каждому звуку. Но всё было тихо: обычный вечер, как и всегда. И даже волков пока не было слышно. Они выйдут на охоту с наступлением темноты.

Последний рывок – и она у кромки леса. Шум горной реки заглушал всё вокруг и приносил надежду.

У воды Хэльда остановилась, чтобы перевести дыхание. Ей бы сейчас перебраться на тот берег. Чуть помедлив, девушка стянула сапоги, связала их ремешками между собой и накинула на шею. Ледяная вода обожгла ступни, словно тысячи игл одним махом впились в кожу. Хэльда поморщилась, но заставила себя идти дальше. Даже у берега было не так уж и мелко – вода доходила почти до колен. Каждый шаг давался с невероятным трудом, зубы начинали выбивать дробь. Двигалась медленно, стараясь не потерять равновесие на скользких камнях.

Только самоубийству на противоположный берег вплавь не добраться – равноценно. В такой ледяной воде она сразу пойдёт ко дну. К тому же сушить вещи нигде, костёр пока разводить нельзя. Хэльда была на грани отчаяния. Шаткий мостик был, но совсем в другой стороне. А в эти края она раньше не забредала. Ноги уже почти не чувствовались. Только желание выжить давало ей силы идти, надеясь на чудо.

Вдруг Хэльда замерла. Впереди поперёк реки лежало давно упавшее дерево. Толстый ствол перегородил горный поток. Но радость быстро сменилась тревогой – бревно выглядело ненадёжным, покрытым скользкой тиной и мхом.

Она подошла к стволу, который слегка покачивался под напором воды, словно живой. Хэльда прекрасно понимала – один неверный шаг, и она окажется в бурном потоке, а сил для борьбы со стихией уже не осталось.

Собрав всю решительность, беглянка начала аккуратно забираться на ствол. На четвереньках, цепляясь за малейшие неровности, она поползла по этому природному мосту. Каждый шаг отдавался в сердце глухим ударом.

Посреди реки бревно накренилось. Хэльда впиалась ногтями в прогнившую кору. Старалась дышать ровнее, голова кружилась от бурного потока воды.

Собрав последние силы, Хэльда рванулась вперёд. Ещё несколько мучительных мгновений балансирования – и вот она на другом берегу. Ноги дрожали, но нельзя было терять ни минуты.

Тьма накрывала лес плотным одеялом. Хоть холод и пробирал до костей, но страх перед погоней был сильнее. Хэльда обулась, ногам сразу стало немного теплее. Она шла, стараясь держаться поближе к деревьям, где тень была гуще. В руке зажала кинжал: так спокойнее.

Внезапно тишину разорвал протяжный волчий вой и эхом разнёсся по лесу. Хэльда замерла, затаив дыхание. Вой повторился, теперь уже ближе.

Сердце колотилось, как сумасшедшее. Нельзя разводить костёр, нельзя останавливаться. Но усталость накрывала волнами, туманя рассудок. Хэльда заставила себя двигаться дальше, хотя ноги подкашивались от изнеможения.

В темноте силуэты деревьев казались чудовищами, готовыми схватить её своими корявыми ветвями. Каждый хруст под ногами заставлял вздрагивать. Хэльда старалась не ду-

мать о том, что происходит за спиной.

Случайно наткнулась на небольшое углубление в корнях старого дерева. Другого укрытия не было. Хэльда забилась туда, пытаясь стать как можно незаметнее. Её била дрожь – то ли от холода, то ли от страха.

Вой раздавался с разных сторон. Казалось, волки окружают её, загоняют в ловушку. Идти дальше Хэльда уже не могла. Оставалось дожидаться рассвета. Если ей повезёт и она его встретит...

Хэльда закрыла глаза. Тело сдалось, она провалилась в сон.

Глава 4

Лорд Тальхур стремительно шагал по коридору замка, отдавая своему помощнику последние распоряжения о сборе отряда. Его лицо выражало решимость и нетерпение – враг не ждал и каждая минута промедления могла стоить жизней. В руке он сжимал короткую, но важную записку для брата, помещённую в небольшой запечатанный конверт.

У главных ворот замка его внимание привлекли две фигуры. Эльвегорн, которого всего неделю назад доставили в лазарет почти бездыханным – теперь твёрдо стоял на ногах, и рядом с ним незнакомец – светловолосый юноша с высокомерным, и даже дерзким изгибом губ. Что они там обсуждали, не особо волновало воодушевлённого наследника. В мыслях он уже находился далеко за пределами Энтина и сражался с бесчисленными полчищами волчьих отродий.

Подойдя к молодым людям, которые при виде военачальника тут же поклонились, рыцарь встал, сцепив руки за спиной, и хмуро их оглядел. Его взгляд остановился на юноше. Тот был среднего роста, с тонкими чертами лица, которые выдавали упрямство и жизнелюбие. Всё в нём так и кричало о готовности к действию: взгляд с хитрецей, расправленные плечи, лёгкая пружинистость в стойке – уже не ребёнок, но ещё далеко не взрослый мужчина. И, судя по напряжённому ожиданию в позе и горящему взгляду, он мечтал стать одним

из воинов.

Что ж, на войне все средства хороши. Юнец вполне мог стодиться в разведке благодаря ловкости и юркости, свойственным этому возрасту. Лорд Тальхур заметил, как тот неосознанно поглаживает рукоять меча на поясе.

Наследник престола перевёл взгляд на Эльвегорна. Следопыт стоял прямо, но бледность его лица говорила, что он ещё не до конца оправился от ран. Но в его карих глазах светилась такая решимость, что было ясно – он бросится в самую гущу, чтобы доказать себе и другим, что снова в строю.

А этот светловолосый... Его дерзость была иного рода. В нём кипела нерастраченная сила, которой так недоставало сейчас выздоравливающему Эльвегорну.

Они вполне могли бы работать в паре.

– Эльвегорн, – голос Тальхура звучал строго, – я гляжу, тебе лучше. Ты мне так и не объяснил твою самовольную вылазку. Или думал, я об этом забыл? На первый раз я проявлю снисхождение. Но если подобное впредь повторится, если посмеешь ослушаться моего приказа, это будет расценено как измена. И наказание последует незамедлительно со всей строгостью закона военного времени. Ты меня услышал?

– Да, милорд.

– Отлично.

Тальхур перевёл взгляд на юношу:

– А ты кто, мой юный друг?

– Моё имя Робин, – ответил тот, вытянувшись по струнке.

– Я хотел бы стать воином.

Тальхур позволил себе лёгкую улыбку.

– А я Тальхур, наследник престола Ханталии и верховный главнокомандующий. Твоё желание похвально. Я не требую многого. Лишь беспрекословного повиновения и выполнения моих прямых приказов, без всякого самоуправства, – Тальхур бросил выразительный взгляд на Эльвегорна. – Но я думаю, ты юноша смыслённый, всё понимаешь и так, – он оглядел их обоих. – Есть у меня для вас ответственное поручение, и при этом довольно простое. Для тебя, Эльвегорн, это возможность восстановить честь. А для тебя, Робин, это станет проверкой. Пройдёшь, получишь место в моём отряде. Итак, ближе к сути. Возможно, нам понадобится подкрепление, которое может предоставить мой младший брат лорд Энгрин. Сейчас он находится в Талионе. Вы должны передать ему это письмо, лично в руки, – сын наместника продемонстрировал запечатанный конверт и передал его следопыту. – Отсюда до крепости можете добраться по прямой дороге, но я бы не стал рисковать: она слишком открыта, вы станете лёгкой мишенью для врага. Берите самых выносливых скакунов и скачите как можно быстрее в объезд. Меньше чем через сутки вы должны быть на месте. После того как Энгрин получит письмо, остаётесь с ним, и назад возвращаетесь уже под его началом. Не подведите.

Выдав поручение, лорд Тальхур направился к конюшням у восточного крыла замка. Стоило ему зайти, как в нос уда-

рил терпкий запах лошадей, смешанный с пряным ароматом сена и кожи.

Верный скакун лорда Тальхура уже ждал хозяина, нетерпеливо переступая с ноги на ногу. Последние приготовления завершались с военной точностью. Воины проверяли оружие, затягивали ремни доспехов, перебрасывались короткими фразами.

Вскоре всё было готово. Наследник взлетел в седло, и его взгляд невольно упал на знамя, что развевалось над воротами. Изумрудное Древо на золотом фоне гордо реяло на ветру, словно благословляя их на великий поход. Это знамя несло в себе память о славе предков, о победах и поражениях, о чести и достоинстве великой Ханталии.

По команде командира отряд тронулся в путь. Копыта лошадей глухо застучали по мостовой и вскоре стихли за закрытыми городскими воротами.

Эльвегорн молча проводил взглядом Тальхура. Приказ был ясен. Но компания Робина его несколько смутила. «Впрочем, малец всё равно не отцепится, – с досадой подумал Эльвегорн. – А то, чего доброго, ещё и нажалуется».

Робин же весь светился и едва не прыгал от радости. Сам знаменитый лорд Тальхур его заметил! Эльвегорн был уверен, что само задание, данное лордом Тальхуром, Робин прослушал, витая в облаках.

– Спасибо! – крикнул юноша удаляющейся фигуре, перестав контролировать свою радость.

– Ты все слышал. Считаю, это твой шанс, – послышался строгий голос, от которого Робин непроизвольно закатил глаза.

– И твой... то есть Ваш, – выдал мальчишка, повернувшись к Эльвегорну с ехидной улыбкой.

Лицо следопыта было сурово. На брошенную фразу он не ответил, но продолжал свою мысль:

– Ты ведь понимаешь, что у нас теперь, можно сказать, отряд. А в отряде должен быть лидер. Им стану я. Будешь звать меня капитаном. А это значит, что ты ничего, ни-че-го без меня и моего ведома не делаешь. Понял?

Серьезный взгляд сверлил мальчика, в ожидании ответа. Конечно, Эльвегорн не сомневался, что юнец согласится, но для полной уверенности и внутреннего спокойствия необходимо было словесное подтверждение.

– Мой капитан сейчас будет замаливать самоволку перед Тальхуром? Значит ты... то есть Вы недавно влипли в неприятности, да? – Робин улыбнулся еще шире. – Ладненько, не держи...те на меня зла, капитан. Мы же теперь и правда команда, верно? – На этот раз улыбка была искренней. Робин шагнул к следопыту и всё с тем же счастливым выражением лица хлопнул его по плечу.

Эльвегорну это весьма не понравилось. В данном случае подобное панибратство было неуместно. Юнец, который минуту назад не отрывал взгляда от своих же сапог, теперь ехидничает.

Резкий и мощный подзатыльник в секунду обрушился на Робина. Тот от неожиданности отскочил в сторону. Получив от этого должное удовлетворение, следопыт заговорил спокойным, холодным тоном:

– Надеюсь, теперь мы во всём разобрались. И ты впредь не станешь забывать об уважении ко мне. Тут не место для шуток. Тем более, когда речь идёт о важном задании.

Робин выпрямился после удара и, глядя в глаза Эльвегорна, проговорил:

– А я думал, что в лицо смерти нужно смеяться, а не плакать.

Губы Эльвегорна вдруг растянулись в улыбке:

– Впрочем, если ты хочешь ещё поехидничать, я могу оставить тебя тут и сделать всё сам. Маленькие мальчики мне за стенами не нужны.

Следопыт говорил жёстко и уверенно, не сомневаясь, что сможет совладать с юнцом.

Он поправил лук и направился в сторону городских ворот.

Робин сразу же бросился следом.

– Ну... Я прошу прощения, капитан, если задел Вас, – уже более серьёзно говорил тот на ходу, виновато опустив глаза.

Эльвегорну не нравилось всё это паясничество. Здесь оно было не к месту. Однако, у него есть приказ. Хочет он того или нет, надо идти.

Следопыт посмотрел на Робина. «В любом случае его можно попытаться воспитать. Или хотя бы научить играть по

моим правилам», – решил он. Дальше шли молча. Эльвегорну вдруг вспомнился друг, что умирал у него на руках. Он не мог тогда ничего сделать. Не мог помочь. Не хотелось бы вновь пережить нечто подобное с Робинот. Несмотря на совсем небольшой боевой опыт, Эльвегорн успел познать ужасы войны. От нахлынувших воспоминаний заняла недавняя рана. Он немного скривился. Непроизвольно схватился за плечо. Чтобы не привлекать внимание, поправил лук, сделав вид, что именно это он и планировал.

Вскоре отряд из двух бойцов покинул город.

– Ты же понимаешь, что времени у нас не так много? – обратился к Робину Эльвегорн. – Нам придётся идти по дороге. И даже не заикайся о словах Тальхура. Главное – доставить письмо. – Эльвегорн показал на карман. – Оно лежит тут. Если вдруг со мной что-то случится, забирай его и беги.

Следопыт замолчал. Накинул на голову капюшон и ускорил шаг.

Робину было неловко. Он не любил молчать, когда рядом есть собеседник. Конечно, чтобы лишний раз не раздражать сурового капитана, парень какое-то время старался держать язык за зубами, с интересом наблюдая за следопытом и шагая строго за ним. Похоже, того беспокоила рана, но гордость не позволяла показывать слабость. Может, это было и не так заметно, но Робин, как художник, научился наблюдать и замечать такие детали, на которые мало кто обращал внимание. Долго хранить молчание он не смог.

– Почему ... – Робин снова хотел обратиться на «ты», но вовремя спохватился, – ... Вы опять хотите послушаться приказа? Нет, ну я просто к слову. Если дорога такая опасная, а письмо важное, то, может, не стоит нам рисковать? И почему мы пешком? Но я всё понял, не подведу ни при каких обстоятельствах. – Робин солнечно улыбнулся.

Поравнявшись с Эльвегорном, он тихо и как-то вкрадчиво спросил, будто давнего друга:

– А ты давно стал воином?

Услышав опять пресловутое «ты», Эльвегорн недовольно поморщился.

– Вы. Не забывай. Письмо важное. Дорога хоть и сложная, зато доберёмся быстрее. Вот ты знаешь, что в этом письме? Лично я – нет. Если там, допустим, боевой план на завтра, а мы обходами придём через два дня. Понимаешь, к чему я клоню?

– Но ведь можно на лошадях! Лорд Тальхур сказал...

– Тальхур сказал исполнить приказ, и я сделаю это именно так, как считаю нужным. Вопросы?

Робин недовольно скривил рот и с наигранно важным видом скрестил на груди руки. Он не особо вслушивался в разъяснения, но суть уловил. А вот тон Эльвегорна ему показался обидным.

– А ВЫ, – он нарочно выделил голосом это несчастное слово, – так и не ответили на мой главный вопрос.

Но Эльвегорн больше не собирался отвечать ни на какие

вопросы. Дорога была слишком опасной, чтобы он мог позволить себе пустые разговоры.

Шли они ещё долго, пока день потихоньку не начал клониться к закату. Стоило подумать и о привале.

Глава 5

Хэльда продрогла. Проснулась от холода и от того, что всё тело затекло от неудобного сидения. В лесу сизой дымкой клубился туман, рваными лоскутами цепляясь за ветки деревьев. Терпкий запах смолы и сырости обволакивал лёгким дурманом. Ночью волки её не нашли. Нужно было вставать и идти дальше. Хэльда с трудом поднялась. Ноги не слушались. Неплохо было бы хоть что-то съесть. Чтобы не терять времени, Хэльда решила есть на ходу, грызя сухари и подолгу их рассасывая. Так создавалась иллюзия сытости. Еду стоило поберечь. Ещё неизвестно, сколько идти через горы. И что ждёт её там, за ними, в той самой Ханталии, где, как говорят, светит солнце.

Лес заползал прямо на горные склоны. Хмурые ели щетились толпами, словно соревнуясь между собой: кто выше из них заберётся. Хэльда ступала по мягкому мху и опавшей сухой хвое, цепляясь за липкие смолистые стволы, пока не вышла из тени леса к скальным отрогам.

Хэльда шла уже долго. Ноги едва поднимались. Она раз за разом спотыкалась и падала, сбивая ладони и обдирая без того натруженные колени. Горы безмолвными стражами строго следили за ней.

Вдруг на одном из уступов среди чахлой горной растительности Хэльда увидела то, что никак в этих местах не

ожидала увидеть. Ветхая хижина пряталась за валунами, сливаясь с ними своей неприметной серостью. Вряд ли в ней кто-то жил. Всё говорило о том, что домишко давно заброшен. Недавно выпавший снег припорошил площадку у дома, и следов на ней не было.

Хэльда, дрожа от усталости и холода, приблизилась к одинокому жилищу. Дверь оказалась незапертой, легко отворилась со скрипом ржавых петель. Внутри было темно и пыльно. Затхлость сразу ударила в нос, заставив беглянку дважды чихнуть.

Глаза довольно быстро привыкли к полумраку комнаты. Хэльда осмотрелась. Грубо сколоченный деревянный топчан у окна, служивший кроватью, сверху наброшено одеяло. В изголовье подушка, набитая сеном. Маленький стол и два табурета. На полке нехитрый набор самой необходимой посуды. В углу некрашенный деревянный сундук. У стены небольшой очаг. Рядом сложена стопка поленьев. На полу шкура медведя. Всё очень скромно, но видно, тот, кто тут жил, следил за порядком.

Хэльда решила развести в очаге огонь, надеясь на то, что среди низких облаков, нависших свинцовым куполом над горными грядами, не слишком будет заметен дым из трубы. Впрочем, она так устала, что ей было уже почти безразлично, увидит кто-нибудь дым или нет. Поленья огню поддавались с трудом, пришлось принести сухих щепок. Наконец язычки пламени радостно заплясали по старой коре и

жёлтыми бликами рассыпались по всей комнате.

Хэльда вскипятила воды и бросила в неё горсть сухих ягод и трав. Долго сидела на шкуре, пила горячий душистый напиток и вглядывалась в причудливый танец пламени. В комнате стало тепло и от этого даже уютно. Глаза слипались. Хэльда уснула здесь же, у очага, на пыльной медвежьей шкуре. Судьба подарила ей отдых.

* * *

Пронизывающие сквозняки гуляли по лабиринтам Чёрной пещеры, заставляя тусклые языки факелов изображать мрачные танцы, от которых хотелось укрыться, как от смертельной опасности.

Асмар Великий, правитель Эрны, двигался к выходу после нелёгкого разговора со своим Повелителем. Взгляд Асмара, обычно горящий гневом, сейчас был задумчив. Владыка Кхорнур требовал жертв. Это значило только одно: больше пленных.

У входа его ожидал Дарган, правая рука и верный соратник. Его лицо, пересечённое уродливым шрамом и обычно бесстрастное, сейчас выражало тревогу.

– Повелитель, – склонился он в поклоне, – у меня важные вести. Мы нашли амулет.

Асмар резко обернулся, глаза сверкнули.

– Амулет? Кто посмел его потерять?

Дарган достал из-за пазухи волчий клык из лунного серебра и протянул господину.

– Найти живым и доставить ко мне, – отдал приказание Асмар, пряча в карман амулет. – Вот и первая жертва.

* * *

Сознание к Хэльде возвращалось нехотя. Запах древесной золы и сушёных трав витал в воздухе как призрак домашнего тепла и уюта. Она лежала на старой медвежьей шкуре, лицом к очагу, где ещё совсем недавно плясали языки пламени.

Теперь от огня остались лишь багровые угли. В полумраке хижины они неровно светились, то разгораясь рубиновыми точками, то угасая.

Впервые за эти дни Хэльда чувствовала себя отдохнувшей. Судя по теням, что расплзались по комнате, день клонился к концу. Хэльда решила остаться здесь на ночь и двинуться дальше с наступлением утра.

Она подбросила дров в остывающий очаг. Чтобы как-то скоротать время, она взялась исследовать жилище. Возможно, вещи расскажут ей что-нибудь о тех, кто когда-то здесь жил.

Угол за очагом был прикрыт полинялой занавеской. То, что увидела Хэльда за ней, привело её в замешательство. Там пряталась детская колыбель.

Хэльда с минуту стояла над ней, пытаясь представить, кто же здесь жил и что привело их сюда, в эти горы. И что с ними стало?

В поисках еды она перерыла все доступные места, но ничего не нашла. Всё, что было в хижине, давно заплесневело

или было съедено насекомыми.

Под топчаном завалялась маленькая самодельная тряпичная кукла. Что-то в этой простой игрушке трогало до глубины души. Хэльда улыбнулась, хотела положить её в колыбель, но поняла, что не сможет с ней расстаться. Она не помнила своей матери, не помнила детства, а эта кукла словно вернула те самые забытые годы. Хэльда сунула игрушку в карман.

В сундуке обнаружили старые вещи: пара штопаных платьев, мужская рубашка и штаны, несколько детских вещей, которые, похоже, были перешиты из одного материнского платья. На дне сундука лежал меч в кожаных ножнах. Осторожно взяв его в руки, Хэльда вытащила клинок. Он выглядел так, будто был только откован: ни царапин, ни ржавчины. Чёрная с золотом рукоять, вдоль лезвия – непонятные руны. Пламя полыхнуло по самому краю, когда она поднесла меч к очагу, чтобы рассмотреть получше. Клинок выглядел очень острым.

Вдруг дерзкая мысль осенила беглянку: искать будут девушку Хэльду. А что если ей изменить облик? Взяв отцовский кинжал, который она забрала из дома, Хэльда отрезала свои смоляные косы. Бросила их в огонь и смотрела, как те превращаются в пепел. А с ними будто сгорала и прошлая жизнь с этим безнадёжно серым небом и волчьим воем. Но волосы было жалко. Хэльда вздохнула. Затем переделалась в мужскую одежду, найденную в сундуке. Рубашка была вели-

ковата, но это даже к лучшему – скроются особенности девичьей фигуры. Штаны слегка закатала: их прежний владелец явно был выше.

В этот миг она вдруг вспомнила об отце. Статный, довольно высокий для эрнийцев, с волевым и чуть угрюмым лицом. «Найти бы его, вдруг живой», – подумала она.

Утром, скромно позавтракав парой сухарей с травяным чаем, Хэльда препоясалась мечом, скрыв его под серым плащом, который она нашла на гвозде у двери, и вышла из хижины. Привычная серость с промозглым туманом встретили её за порогом. Немного пройдя по заросшей тропе, Хэльда заметила небольшой холмик, с одной стороны которого стоял плоский камень. Могила?

Хэльда приблизилась, чтобы рассмотреть надпись на камне. «Хэльда Мирай. 2010 год от с. Д. С.» По спине прошёл холодок, это открытие потрясло до глубины души: так вот, кто здесь жил! Отец как-то упоминал, что сам захотел назвать её так же, как и мать. Губы непроизвольно сложились в беззвучное сладкое слово «мама»... В глазах защипало от подступивших слёз.

Хэльда медленно опустилась на колени на влажную, припорошенную снегом землю. Рука сама потянулась к холодному камню, словно через гранит могла ощутить тепло той, чьё имя она носила. Перед мысленным взором возникли неясные образы: нежные руки, звук колыбельной, улыбка на добром лице.

Хэльда не сдерживала слёз. Они текли по щекам и падали на родную могилу.

Внезапно в лесу у подножия гор раздался протяжный волчий вой. Беглянка не стала испытывать судьбу и быстрым шагом отправилась дальше. Нужно было спасти свою жизнь.

Глава 6

– Немного отдохнём, когда совсем стемнеет, – предупредил Эльвегорн.

Он по-прежнему шагал быстро и уверенно, будто только что вышел из дома. Его длинная тень тянулась по пыльной дороге – солнце было уже совсем низко.

Робин тяжело вздохнул, но с капитаном спорить не будешь, тем более с таким. Юнец едва поспевал за старшим, то и дело спотыкаясь: ноги от усталости поднимались уже с трудом.

Вдруг со стороны леса раздался жалобный писк. Робин замер, прислушиваясь к звукам.

– Я это... схожу гляну, – осторожно проговорил он.

– Никуда ты не пойдёшь. У нас нет времени на детские забавы, – строго сказал следопыт, нисколько не замедляя шага. – Дикие животные сами должны справляться со своими бедами.

Но Робин этого уже не слышал. Он пробирался сквозь заросли, ведомый чувством сострадания. Вскоре среди деревьев он обнаружил лисёнка в старых охотничьих силках. Пришлось изрядно повозиться, чтобы распутать испуганное животное. Робин не рискнул сразу резать путы, чтобы не поранить зверька.

Заметив подозрительную тишину за спиной, следопыт

обернулся. Робина не было. Эльвегорн пришёл в ярость. Юнца хотелось просто задушить.

Постояв минутку и придя в себя, следопыт медленно двинулся в обратном направлении. Лицо его казалось спокойным, он даже слегка улыбался, но выглядело это зловеще.

Правда, сделать он успел лишь несколько шагов: из леса показался довольный Робин. На этот раз следопыт решил сдержаться, но хороший подзатыльник всё же отвесил.

– Ты сам знаешь за что, – строго сказал он. – И в следующий раз либо спрашиваешь разрешения, либо получаешь в три раза больше.

Насупившись, Робин взглянул на Эльвегорна:

– Вы думаете, что от Ваших подзатыльников я откажусь от своих принципов? Я ведь не ставлю отряд под угрозу, так в чём дело? – Робин бросил на Эльва хмурый взгляд. – Если Вам станет от этого легче, можете ударить меня сильнее.

Более не сказав ни слова, Робин, уставившись в землю, шагнул за капитаном.

Дальше дорога расширялась и резко сворачивала влево. Эльвегорн ускорил шаг. Идти в открытую становилось опасно. К тому же время было потрачено зря, его необходимо наверстать.

И тут впереди послышались голоса. Следопыт сразу понял, кто это был. Схватив Робина за локоть, он быстро свернул с основной дороги.

– Молчи и смотри под ноги. И только посмей опять что-

нибудь выкинуть.

Эрнийцы подошли слишком близко. Следопыт вёл юнца за собой по кустам. Успех такого манёвра был сомнителен, но выбора не оставалось.

Робин нервно сглотнул. Глядя на Эльвегорна, юноша старался подражать ему, скрывая эмоции под маской хладнокровия и сосредоточенности. Следопыта же осторожности в своё время быстро научили полученные раны.

Идти было сложно. Ветки кустов и деревьев цеплялись за все, что только можно. Эльвегорн по-прежнему вёл Робина за руку, уверенно пробираясь параллельно дороге.

Когда миновала опасность, они вернулись на прежний путь. Но это было ошибкой. Они оказались на месте недавней битвы, из которой, что было очевидно, эрнийцы вышли победителями.

Воздух казался тяжёлым от запаха крови. Земля под ногами превратилась в месиво из грязи и тёмных луж. Повсюду валялись обломки оружия, треснутые щиты, стрелы, не нашедшие цели. А самое страшное – больше десятка мёртвых тел, в основном ханталийцев. Их застывшие позы говорили об отчаянном, но безнадёжном сопротивлении.

При виде развернувшейся картины, Робин растерялся. Его глаза широко раскрылись от ужаса. Он замер на месте, противный комок подступил к горлу, в ушах звенело. Ему стало дурно от вони, и он судорожно сглотнул слюну. Ещё вчера он представлял войну как величественное столкнове-

ние героев, а сейчас увидел её грязную изнанку – искажённые болью лица, пустые глаза, уставленные в серое небо. Хотелось уйти от жестокой реальности с помощью очередной дурацкой шутки, но Робин сдержался. Не место.

Эльвегорн подошёл к одному из убитых. Перед ним лежал молодой лучник, совсем ещё юный, чуть старше Робина. В его застывших пальцах всё ещё был зажат крепкий лук, выпустить стрелу он не успел. Следопыт сжал зубы, как от острой боли. Затем обратился к Робину:

– Возьми лук и стрелы. Они нам могут пригодиться.

Голос его дрогнул.

– Мы могли успеть... – произнёс он чуть слышно.

Робин очнулся, услышав команду, и взялся её исполнять. Пальцы дрожали, когда он наклонялся, чтобы подобрать очередную стрелу. Он старался не смотреть на погибших, сосредоточившись на поиске целых стрел, но взгляд раз за разом возвращался к навеки замершим лицам.

Робин не сразу заметил, что Эльвегорн куда-то пропал. Лишь спустя несколько минут понял, что он один среди мертвецов.

– Эльвегорн? – крикнул Робин и сам испугался своего голоса.

– Не кричи, – услышал он за спиной. – Я здесь. Тащи хвост. У нас мало времени.

Сам следопыт бросил наземь большую охапку толстых веток и принялся сооружать погребальный костёр. Когда всё

было готово, они с Робинем уложили тела и подожгли.

Пламя с сухим треском охватило хворост. Вскоре над полем битвы поднялся столб чёрного дыма. Спутники долго стояли, не в силах отвести взгляд от огня. Лишь когда стало ясно, что пламя не перекинется на ближайшие деревья, Эльвегорн негромко сказал:

– Пойдём.

Он развернулся и двинулся дальше. Робин поплёлся за ним.

Шли молча, пока непроглядная ночь не заставила их остановиться.

Несколько часов отвели на привал у самой окраины леса. Костёр разводить не стали. Робин бросил под голову сумку и сразу уснул.

Эльвегорн сидел, прислонившись к стволу. Память вцепилась в него мёртвой хваткой.

Вспомнил, как было сложно впервые выпустить стрелу. Да, тогда перед ним стояли враги. Но ведь они были живыми! Тогда-то он и получил свою первую рану, глупую рану необстрелянного юнца. Да и следующий бой оказался сплошным провалом из-за самоуверенности. С тех пор прошло много времени. Точнее, достаточно для того, чтобы всё осознать.

С первыми проблесками зари Эльвегорн разбудил сладко спящего Робина. Они снова двинулись в путь. До Талиона оставалось совсем немного. Стены города-крепости уже по-

казались на горизонте. План Эльвегорна сработал.

– Видишь, надо верить своему командиру. Мы рискнули, и риск оправдался. В итоге просто выигрыш в скорости. Никаких потерь. Превосходно.

Эти слова были адресованы даже не Робину. Скорее, Эльвегорн говорил сам с собой, пытаясь себя оправдать.

Глава 7

Никто из отряда Энгрин не ожидал, что на подступах к городу их будет ждать засада, организованная тремя десятками эрнийцев, которые неизвестно как пересекли реку и оказались в тылу. Но этот вопрос нужно будет решать непосредственно с дозорными, позже. Если удастся выбраться из этой западни. А сейчас необходимо полностью сосредоточиться на бое.

Отряд перестроился быстро. Лучники отошли на безопасное расстояние, в то время как обнажившая сталь пехота под прикрытием стрел вступила в ближний бой. И вёл за собой их лично лорд Энгрин. Всего несколько минут ушло на то, чтобы перебить большую часть эрнийцев.

Враги атаковали весьма смело, но не учли того, что против них – хорошо вооружённые воины Талиона, прошедшие не одну битву.

Сейчас же командира беспокоило только одно: на них напали в непосредственной близости от города. Энгрин не любил такие сюрпризы. Необходимо усилить дозор и запросить подкрепление из столицы, иначе подобное так и будет продолжаться.

– Трупы тёмных сжечь, а наших забрать. Похороним их по-человечески. Отдыхаем пятнадцать минут и выдвигаемся, – распорядился Энгрин, убирая меч обратно в ножны.

Вскоре все двинулись к воротам Талиона.

В это же время с дороги их заметил Эльвегорн. Подтолкнув Робина в спину, он заметно ускорился и настиг отряд.

– Мне нужен лорд Энгрин. Он среди вас? Это важно, прошу...

Эльвегорн напряжённо всматривался в измождённые лица, надеясь увидеть того, кто был целью их с Робинем похода.

– Да, он среди них, – Энгрин вышел вперёд, снимая со своей головы капюшон и складывая руки на груди. Внимательно оглядел пришедших. – Кто вы? И для чего я вам понадобился?

У Робина захватило дух при виде младшего королевского сына. Подумать только: он, Робин, стоит сейчас рядом с таким важным и мужественным человеком!

Робин как-то нервно поклонился лорду Энгрину и выпалил:

– Мы прибыли по приказу лорда Тальхура! – он выпрямил спину. – У нас какое-то стратегически важное письмо, в общем.

Догадавшись, что за такое самочиние вновь может прилететь крепкий подзатыльник, Робин решил, что терять теперь, собственно, нечего. Он вновь открыл рот, чтобы продолжить торжественную речь. Слишком сладок был вкус донесения таким высочайшим чинам. И даже рука Эльвегорна теперь была не страшна. Но толком всё объяснить Робин не успел. Его триумфальный доклад прервал примчавший-

ся гонец. Он был настолько запыхавшийся, что не сразу мог говорить. Сын короля протянул ему собственную фляжку с водой и дождался, пока тот переведёт дыхание.

Как оказалось, северо-восточная граница была внезапно прорвана, лорд Тальхур ранен, а весь гарнизон с жителями Энтина и десятками раненых отходит южнее, в город Вазар.

– Анборн, – обратился Энгрин к одному из своих следопытов, – приготовь отряд из ста воинов и обозы с провизией. Выдвигаемся в Вазар через час. Там понадобится наша помощь.

– Идём в крепость, – сухо проговорил Энгрин, обращаясь сейчас к Эльвегорну, который всё это время хранил молчание, и его спутнику.

Эльвегорн бросил взгляд на Робина и по-дружески взъерошил ему волосы. Они двинулись вслед за Энгрином. Следопыт попутно достал послание.

Остановились в караульне.

– Я думаю, что это достаточно важно, – заговорил Эльвегорн, передавая письмо.

Энгрин вскрыл конверт и бегло ознакомился с содержанием.

– Настолько важное, что дошло до адресата с опозданием? – взгляд рыцаря был полон сарказма. – То, что здесь сказано, уже не нужно. Думаю, вы и сами об этом догадались, – лорд Энгрин с силой сжал кулак, в котором было письмо, и тут же бросил послание на пол. – Будем надеяться, что с моим

братом всё будет хорошо, – голос военачальника дрогнул, и он поспешил отвести взгляд в сторону.

Эльвегорн молча проследил взглядом за выброшенным письмом. В отличие от Робина.

– Никого уважения, – пробормотал тот себе под нос, поднимая листок. Он был до глубины души возмущён этим жестом военачальника. – При всем моем уважении... – неожиданно даже для себя и весьма эмоционально начал юноша, – но я хочу задать Вам один, тьма побери, встречный вопрос. Вы всегда так разговариваете с подчинёнными? Никакой благодарности за старания, никакого уважения к человеку! И если Вы так недовольны нашей задержкой, то спешу Вам сообщить, что Тальхур дал приказ двигаться по обходному пути! Однако мы шли напрямую по опасному участку. Претензии к скорости с Вашей стороны не уместны! А я готов сделать всё, что угодно для лорда Тальхура, потому что он почти принял меня в свои ряды! – дерзкий взгляд юнца впился прямо в глаза Энгрина. И плевать ему было на последствия.

Двинувшийся было к выходу начальник гарнизона остановился.

– Робин! – сурово воскликнул Эльвегорн, схватил его с силой за руку и, дёрнув на себя, прошипел ему на ухо:

– Какого ляда ты себе позволяешь?! Ты кем себя тут возомнил?! А ты не думаешь, что нас и повесить могут за такое?! Ты... ты... – оттолкнув Робина от себя, следопыт тут же от-

весил ему крепкий подзатыльник. В такой ярости Эльвегорн был впервые за всё это время. Повернувшись к Энгрину, он поклонился.

– Прошу простить его, он... это его первое задание и он ещё не всё понимает... К тому же он очень устал.

Энгрин резко остановился и застыл на месте, с секунду раздумывая о словах, брошенных ему в спину. Развернулся и сделал пару шагов в направлении Робина, совершенно не обращая внимания на попытки его старшего товарища всё исправить.

– У столь юного воина так много дерзости? Ты ищешь благодарности? Как ты думаешь, в этом брэнном мире много благодарности? Как ты думаешь, в случае победы будет благодарна мать правителю, если сын её погибнет в этой войне? – Энгрин медленно приближался к юноше, не сводя с него взгляда. Голос рыцаря звучал ровно, не выдавая бушевавших внутри эмоций. – Можно подумать, у тебя за плечами немалый боевой опыт. Как много смертей ты уже увидел? И, нет, я говорю не о смерти врага. Часто ли тебе доводилось видеть, как умирает твой товарищ, друг или... брат? – На последнем слове Энгрин на секунду замолк, – знаешь ли ты, каково это: видеть, как твой друг лежит на поле брани? – Минутная тишина повисла в караульне. – И я уверен, что люди, перечисляющие командиру, ни мне, ни моему брату не нужны.

Энгрин перевёл взгляд на Эльвегорна, давая тем самым понять, что фраза относится к ним обоим.

– Я дурак. Ну и пусть. Лучше я скажу это в лицо, чем потом буду жалеть о невысказанных мыслях, – хмуро ответил Робин. – Похоже, в этом мире и правда нет ни капли благодарности, уважения и понимания.

Эльвегорн тяжело вздохнул и покачал головой. Но Робин уже контролировал свой язык. Его речь становилась всё громче и отрывистее:

– Да, у меня нет ничего за спиной, нет опыта! – почти выкрикнул он. – Только мёртвые близкие люди! – Глаза юноши заблестели от подступивших слёз. – Я помогал лекарям на передовой. Я знаю, что значит, когда не можешь помочь, – Робин криво ухмыльнулся. – Я мечтал стать воином, чтобы больше не допускать лишней крови и смерти людей. – Он замолчал, переводя дыхание и глядя прямо в глаза военачальнику, но тот выглядел невозмутимым, – и если нужно, я пойду один по выбранному пути, раз вам не нужны такие, как я!

Эльвегорн схватил Робина за шиворот и подтолкнул к выходу.

– Довольно, – сурово произнёс он вполголоса. – Уходим.

Лорд Энгрин проводил их долгим взглядом. Он хорошо запомнил этих двоих. Но сейчас его ждали дела поважнее. Перед отъездом он хотел посетить лазарет, куда на прошлой неделе поступило много раненых и несколько человек должны были доставить сегодня. Каждый воин сейчас на счету, а значит, каждому нужно обеспечить достойный уход.

Глава 8

Мой путь лежал в Талион. На Харанский лес опускались косматые сумерки, деревья, как стражи, притихли. Скрытый от чужих глаз густыми зарослями, я сидел у костра. Тишину нарушали только ветки, с мягким треском отдающие свою жизнь языкам огня. Затем я услышал шаги.

Он был измождён, шёл обречённо, не зная, кого встретит у призывно горящего костра. Ему было уже всё равно.

– Садись, добрый путник, – я приветливо указал на бревно, служившее мне скамейкой. – Вижу, ты очень устал. Меня зовут Нимрас, бродячий менестрель. А потому знаю, что значит усталость. Как твоё имя?

Пришедший, как мне показалось, немного смутился. Видимо, думал, стоит ли мне доверять, но всё же ответил.

– Мирай.

Голос его был с небольшой хрипотцой, но мягкий. Он сел рядом со мной и вытянул руки к огню, наслаждаясь теплом. Лицо скрывал капюшон плаща, но я был уверен, что странник весьма молод. Его выдавали движения: так выглядят те, кто перешагнул подростковый рубеж, но ещё не дорос до мужчины. Я налил ему чай, предложил хлеба. Больше из еды у меня ничего не было.

– На воина ты не похож. Бежишь от войны?

Он немного помолчал и лишь потом ответил:

– Не знаю, бегу или ищу. У меня нет никого и ничего, кроме собственной жизни. И уже сам сомневаюсь, нужна ли эта жизнь мне самому, – он горько усмехнулся.

– Расстаться с жизнью не мудрено, – сказал я ему, – и если она у нас пока ещё есть, нужно её беречь. Значит, она нужна для чего-то.

– Моя никому не нужна.

– Нам не дано это знать.

Я мог бы увидеть его прошлое, если бы он посмотрел мне в глаза, но капюшон так и скрывал его взгляд. Я взял в руки лютню. Когда мои пальцы чувствуют струны, слова сами слагаются в песни, открывая порой сокровенное. Иногда песня способна на миг отдёрнуть занавес будущего, но это случается реже.

Пальцы привычно коснулись ладов, струна прорвала тишину засыпающего леса. Я негромко запел:

Ты берёшь в руки меч.

Ты идёшь по тропе войны.

Ты не ищешь встреч.

Даже жизнь у тебя – взаймы.

Ты бредёшь во тьме,

Ожидая увидеть свет.

Ты кричишь судьбе,

Но опять тишина в ответ.

Ты готов отдать
Всё, что есть – любви.
Только то, что есть,
Как всегда обратится в дым.

Кто ведёт тебя,
Серый путник из серых мест?
Каждый шаг – война.
Каждый вздох – будто стали блеск.

Ты хотел любить.
Но сильнее сжимаешь меч.
Ты живёшь взаимы,
Потому и боишься встреч.

Пока звучала песня, я не сводил глаз с юного странника. Все встречи на моём пути не случайны, и мне нужно было понять свою роль в судьбе этого человека. Уже на середине пения он стал проявлять беспокойство. Рука машинально потянулась к левому бедру, но он её одёрнул. Когда затихли все слова, Мирай медленно снял капюшон и посмотрел на меня с недоумением.

– Откуда Вам известно обо мне?

Я промолчал. Его испуганные глаза отразили мой изумрудный свет: я читал книгу его жизни. Его прошлой жизни.

Теперь я понял всё.

– Меч при тебе?

Он неуверенно кивнул.

– Кто Вы?

Я мягко улыбнулся.

– Всего лишь временный помощник, посланный Судьбой.

И знаешь, – я подбросил веток в догорающий костёр, – сейчас тебе бы просто отдохнуть. Ложись спать. Завтра мы будем в городе. Для всех пока оставайся Мираем, так будет лучше. Придёт время, откроешься. И ничего не бойся. Будет только то, что должно быть.

Хэльда больше не стала ни о чём спрашивать, хоть было видно, что она озадачена. Ещё бы. Но я не мог сказать ей более, чем сказал. И, кажется, мои слова её немного успокоили. Это было уже хорошо.

* * *

Эльвегорн грубо выволок Робина на улицу и выдал очередной глухой подзатыльник.

– Ты вообще соображаешь, что ты несёшь, идиот?! – зашипел он. – Ещё раз такое выкинешь, я тебе язык отрежу и скормлю собакам! Ты считаешь, нам без этого проблем было мало? – Следопыт ненадолго замолчал. Он прекрасно понимал чувства юноши, потерявшего всех близких. До боли в груди понимал. А теперь из-за опрометчивых слов тот упустил заветную мечту, и наследник престола уж точно не возьмёт его в свой отряд. Но Эльвегорн не желал больше терпеть

подобные выходки. – Выкинь из головы всё, что ты думаешь о войне. Там не до романтики и геройства. – Проговорил он уже тише, но не менее жёстко. – Держись рядом, всегда. Делай в первую очередь, что я говорю, затем уже, что говорят тебе другие.

– Да я понимаю, – Робин задумчиво почесал подбородок, – в бою не место таким, как я.

Они вышли за ворота замка. Их сразу же встретил шум площади Талиона: грохот тележных колёс по булыжнику, крики разносчиков, ржанье лошадей. Эльвегорн, морщась от громких звуков, подумал, что им срочно нужен отдых. Можно было остановиться в казармах – для следопыта там двери открыты, но запах пота, кожи и щёлока... Эта мысль была ему противна. Остро хотелось тишины и уединения, пусть даже в грязной придорожной таверне.

Они двинулись по центральной дороге.

– Мы останемся пока здесь, в Талионе. Лорд Тальхур ранен. В отряд к Энгрину нам, сам понимаешь, путь заказан. Во всяком случае до его возвращения. Да и не нравится он мне, по большому счёту. Хотя Тальхур... В общем, заметно, что они братья.

Эльвегорн вдруг увидел пятно грязи на своём плаще и резко остановился, взявшись его вычищать ногтем с маниакальной тщательностью, и, казалось, забыл на мгновение обо всём.

Робин в это время разглядывал резные деревянные ставни

на окнах соседнего дома и едва с размаху не влетел в следопыта, но вовремя каким-то чудом успел затормозить.

– Если повезёт, – продолжал свою речь Эльвегорн, потом попробуем ещё раз к Энгрину. Это шанс быть полезными. Если что-то пойдёт не так, мы отделимся. И мне плевать, что за это грозит. Думаю, тебе тоже.

Закончив с плащом, следопыт выпрямился и пошёл дальше. Его тяжёлые сапоги чётко и сухо отбивали шаг. Робин старался держаться с ним вровень. И всё же удержаться не смог.

Его взгляд, голодный до красоты, скользил по окнам, по флагам на башенках, по игре света на серых камнях мостовой. И вдруг – цветочная лавка! Охапки алых, солнечно-жёлтых, синих, как море, соцветий. Воздух здесь был таким сладким, что мог опьянить без вина. Запах влажной земли из горшков напомнил о доме, которого больше нет. Рука сама потянулась в сумку за альбомом и углём...

– ...поэтому надо будет... – голос Эльвегорна оборвался. Он обернулся. Пусто. Через мгновение разъярённый следопыт уже оттащил Робина за капюшон от цветочной лавки. Подзатыльник на этот раз прозвучал довольно звонко.

– Ты до сих пор ещё не понял? Ты правда хочешь продолжать ребячиться? Однажды я не замечу, что ты отделился, и ты навсегда останешься лежать в траве, ты это понимаешь?! Я не шучу. И думал, искренне думал, что ты это понял. Дей-

ствительно понял!

Эльвегорн быстро пошёл вперёд.

– Хочешь сделать из меня свою копию? – усмехнулся Робин ему вслед и потёр ушибленное место. – Я не хочу жить в страхе и тьме, мне этого по горло хватило, – пробубнил он себе под нос. – Я буду серьёзным, когда час наступит.

Через минуту он догнал следопыта.

– Так что ты там ворчал? – Робин широко улыбнулся, однако в ту же секунду принял сосредоточенный вид. – Ладно, я всё слышал и всё понял. Можешь не беспокоиться. А вообще, я никак не могу понять, как ты ко мне относишься на самом деле...

Следопыт остановился, как вкопанный.

– Как я к тебе отношусь? Как к ребёнку, в котором есть потенциал и очень много дури. Я говорю тебе важные вещи. Действительно важные. Но ты в который раз меня не слышишь и ребячишься. Я не собираюсь иметь ещё одну смерть на совести. Оставайся здесь, если хочешь, – накинув капюшон, Эльвегорн пошёл дальше. – А если готов взростеть, поспеши. Твоя дорога уже началась.

Следопыт снова уверенно зашагал. Но вдруг резко остановился и замер, заметив впереди две фигуры: Энгрин шёл под руку со светловолосой девушкой. Эльвегорн смотрел на них несколько секунд, а потом, опустив голову двинулся следом. Просто медленно плёлся, напроочь забыв о мальчишке за спиной.

– Кто она? – резкий голос Робина и его цепкая хватка вернули Эльвегорна в реальность. – Мы искали таверну, а ты тут за ней...

Следопыт, не глядя, выдернул руку и быстрым шагом свернул к городским воротам.

На этот раз Робин не стал его догонять. Он бессильно опустился на холодный бордю́р каменного поста́мента с фигурой всадника, что оказался поблизости. Потёр лицо ладонями и тяжело вздохнул. Подняв взгляд, прямо перед собой обнаружил невысокое здание с покосившейся, но добротной вывеской с изображением перекрещенных меча и посоха: Таверна «На перекрёстке». Дверь была приоткрыта и оттуда доносился смутный гул голосов, а аппетитный запах тушёного мяса и свежего хлеба заставил голодный желудок Робина жалобно заурчать.

Глава 9

Мы с Хэльдой добрались до Талиона ближе к полудню. На прощанье я протянул ей несколько монет. Это всё, чем я мог ей сейчас помочь. Хвала Эу, монеты она взяла с благодарностью, и меня это очень утешило. Расстались мы недалеко от местной таверны, как раз на пересечении улиц. Я знал, что мы ещё встретимся, но сейчас я на время её оставил.

* * *

Всё тело ныло от усталости, ступни в грубых стоптанных сапогах горели, спина под дорожным плащом была мокрой от пота. Ладонь сжимала горсть холодных монет. Хэльда и рада бы отказаться от помощи, да только желудок болезненно сжался от голода. Смущённо потупилась, чувствуя, как краснеют от стыда щёки. Хотела поблагодарить, но когда подняла голову, увидела только пустую дорогу. Нимраса рядом уже не было.

В городе всё ей казалось необычным. После тишины леса здешние звуки почти оглушали. Где-то гремели колёса по мостовой, стучали копыта, с рыночной площади доносились крики торговцев, заливались собаки, мерно отстукивал, а точнее, звенел молот в руках кузнеца. Смесь непривычных, навязчивых запахов сбивала с толку. Пахло созревшими фруктами, конским навозом и потом, дымом из печных труб и ароматом каких-то специй из приоткрытой двери пе-

карни.

После общения с Нимрасом Хэльду оставил страх неизвестности. Она наконец-то заметила над головой солнце – настоящее, тёплое, золотистое, а не бледное пятно за вечными туманами Эрны. Ласковые лучи словно гладили по голове, проникая сквозь ткань капюшона. И небо... Оно было ясным, бездонно-синим, таким же чистым и глубоким, как и её глаза. На всё Хэльда смотрела с нескрываемым удивлением и восхищением. А цвета! Здесь их было так много: красочные полотняные навесы лавок, выцветшие синие и жёлтые ставни на окнах, рыжие черепичные крыши, зелень плюща на каменных стенах. После монохромных серых скал и тёмных лесов родины это выглядело потрясающе. Правда, приходилось то и дело надвигать пониже капюшон, чтобы скрыть немое изумление на лице и не так сильно привлекать к себе внимание. И не забыть бы, что Хэльды теперь нет, а есть юноша Мирай.

Рука нащупала в кармане тряпичную куклу. Всё хорошо. Она справится.

Город поражал воображение. Рука так и тянулась прикоснуться к гладкой, отполированной веками поверхности каменного фонтана, каких в Талионе было множество, поймать на ладонь прохладную струйку воды. Хотелось задержаться у лотка со сверкающими на солнце дешёвыми украшениями, рассмотреть замысловатую резьбу на деревянных балконах. Пару раз, правда, пришлось отскочить с дороги, Мирай едва

не попал под копыта разгорячённых лошадей. Эти огромные, могучие животные, фыркающие и бьющие копытами, тоже были в диковинку. В Эрне не держат коней – там слишком мало травы, а скалистые тропы способны осилить лишь ловкие козлы да хищники вроде волков или рысей.

До юного странника в потрёпанном сером плаще никому особо не было дела. Торговцы, зазывавшие в свои лавки хриплыми голосами, воины в сверкающих доспехах, домохозяйки с тяжёлыми корзинами – все спешили по своим делам. Но это было и к лучшему. В шумном человеческом море можно хоть на мгновение затеряться и перевести дух.

* * *

Робин поднялся с бордюра, отряхнул пыль с одежды и хотел уже потянуть за массивную ручку на двери в таверну, как заметил поблизости одинокую фигуру, в задумчивости застывшую возле небольшого фонтана. Юноша в сером, слишком уж потрёпанном для городского жителя плаще. И смотрел он на воду так, будто ни разу в жизни не видел подобного чуда. Что-то в этой отрешённой позе, во всём его облике, говорило о чувстве потерянности, так знакомом самому Робину.

Он открыл сумку и вынул альбом с карандашом. Удержаться было не под силу. Нет, Робин даже не думал создавать законченный портрет – не успел бы. Так, быстро ухватить образ. Несколько стремительных, уверенных линий: изгиб спины, говорящий об усталости и настороженности, опущенный

капюшон как желание спрятаться, контур руки, ухватившейся за чашу фонтана. Лёгкий набросок отчаянного одиночества.

Незнакомый юноша обернулся. Робин решил с ним заговорить. В какой-то мере ему просто хотелось доказать самому себе, что он не беспомощен и может найти себе друга и без Эльвегорна.

– Привет! Меня зовут Робин, – представился он с открытой, чуть виноватой улыбкой. – А ты не отсюда, я прав? Да, поди, тоже мечтаешь в отряд воинов вступить? – Слова выскочили слишком уж по-мальчишески прямолинейно, и он смущённо почесал затылок.

Хэльда невольно отступила назад хотя в голосе подошедшего вовсе не слышалось угрозы.

– А моё имя Мирай, – выдохнула она, заставляя голос звучать ниже, с небольшой хрипотцой. Мельком взглянула на говорящего и потупила взор. Юноша был красив небрежной, какой-то лучистой красотой – взъерошенные светлые волосы, открытое лицо, на котором читались все эмоции, ясные светло-зелёные глаза. Да и что говорить, такого искреннего внимания к себе Хэльда никогда и не знала. И в этом внимании не было ни оценки, ни хищничества, которых она бессознательно ждала от мужчин.

– Да, я не отсюда, – ответила она, стараясь говорить коротко. – А ты всех вот так, прямо в лоб, спрашиваешь о жизненных целях? С чего ты взял, что я собираюсь стать воином?

Робин рассмеялся.

– Почти всех. Но мне почему-то показалось, что у нас с тобой много общего. Ты смотришь на город, как на чудо. А я в тебе вдруг увидел... ну, того, кто тоже пока не нашёл здесь своего угла.

Робин говорил совершенно искренне. И в его «пока» для них обоих слишком громко звучала надежда. Настороженность Хэльды-Миарая таяла на глазах.

Она пожала плечами, стараясь, чтобы жест вышел более мужественным:

– Возможно.

Хэльда сделала паузу, мысленно оценивая открытое лицо Робина. Он и правда был таким же, как она – с пустыми карманами и одиночеством в глазах. Рискнуть, пожалуй, и стоило.

– Ты случайно не знаешь, где можно на время остановиться? У меня здесь нет никого. Да, впрочем, нигде никого уже нет, – последнюю фразу она произнесла почти шёпотом, но Робин услышал.

– Понимаю. Я ведь тоже такой. Один на всём белом свете, – его голос на мгновение стал серьёзным, но тут же в нём вновь зазвенела детская радость. – Но это ведь вовсе не повод вешать нос! А я как раз шёл в эту таверну, – он кивнул на вывеску. Вот только не знаю, на что надеялся. У меня за душой ни гроша. Но вообще-то я не один, я пришёл с капитаном. Только он, похоже, бросил меня. Как видишь, мне ве-

зёт с выбором попутчиков, – он горько усмехнулся.

Робин говорил с такой беззащитной самоуничижительной прямоотой, что Хэльда тут же поверила. Она осторожно достала монеты Нимраса, позволив Робину увидеть, что их совсем немного.

– Тут есть кое-что. Нам... наверное, хватит разделить ужин?

Робин невольно присвистнул.

– Да этого хватит, чтобы не ночевать под забором! Слушай, я знаю, как это неловко, – он вдруг смутился, понимая, как выглядит со стороны, – ты с деньгами, я – с ветром в карманах. Но давай по-честному: я голодный как волк, да и ты, поди, тоже. Обоим нам нужна крыша над головой. Я хоть и брошенный, но могу спросить, поторговаться, узнать, где дешевле и тише. Идёт? Поедим, отдохнём для начала. А завтра... завтра я что-нибудь придумаю. Обещаю.

Хэльда нерешительно кивнула. Ей нужен был проводник в этом новом и непонятном мире. Хотя бы на время. Они с Робинном нуждались друг в друге и честно в этом признались.

Глава 10

Эльвегорн шёл быстро, не разбирая дороги. Картина, как Эмили – та, кто ему была так дорога – идёт радостная под руку с самим Энгрином, не выходила из головы, сколько бы следопыт ни пытался отогнать её силой воли.

Вдруг он услышал отчаянный женский крик. Бросившись на звук, в ольховые заросли у реки, он увидел, как двое эрнийцев в чёрных доспехах, с оскаленными в ухмылке зубами, со смехом и улюлюканьем, точно охотники дичь, загоняли рыжеволосую девчонку к воде. Один угрожал ей мечом, второй, пошустрее, норовил схватить её за рыжие космы. В левой руке он уже зажимал вырванный клоч волос и размахивал им, как трофеем. Девушка в страхе пятилась, вдруг споткнулась о корень и упала на спину.

Эльвегорн чётким движением выхватил лук, первой стрелой поразил под лопатку того, что был ближе. Эрниец захрипел и рухнул на землю. Другой, видно, волчьим чутьём почувствовал смерть и дико вращая глазами, обернулся. Одним прыжком кинулся к жертве, чтобы схватить её как живой щит. Но не успел. Девчонка рванулась в сторону, эрниец вцепился в длинный подол, отчаянно дёрнул к себе и хотел спрыгнуть с обрыва прямо в воду. Вторая стрела Эльвегорна настигла его в этом прыжке, угодив между рёбер.

Следопыт уже бежал вниз, к самой кромке воды, где тем-

нело тело в разорванном платье. Девчонка лежала лицом к земле. Эльвегорн перевернул её, проверил дыхание и пульс на шее – слабый, но есть. На виске багровела ссадина, сочилась тонкая струйка крови.

– Тьма побери, – прошипел Эльвегорн сквозь зубы и подхватил бесчувственное тело. Оно показалось ему невесомым и хрупким. – Нашла же время для сбора ромашек, идиотка...

Он понёс девушку вдоль берега, к одному из своих тайных укрытий – в небольшую пещерку, скрытую завесой дикого винограда. Внутри было довольно светло – солнечные лучи пронизывали ажурные зелёные плети, но пахло сырой землёй и грибами. Осторожно опустив рыжую на землю, следопыт быстро нарубил в лесу еловых лап, набросал сверху травы и листьев папоротника, устроил толстую, пружинящую подстилку и уложил девушку на неё.

На вид рыжей было столько же, сколько и Робину – лет 16 – 17. Волосы были растрёпаны, по бледному лицу рассыпались неестественно яркие веснушки. Слипшиеся от слёз длинные ресницы казались почти чёрными. Платье из простого льна было порвано в нескольких местах и испачкано кровью и глиной.

Эльвегорн чуть не скрипнул зубами – мог ведь и не успеть.

Нужно было её осмотреть. Следопыт тяжело вздохнул. Большие, покрытые шрамами грубые руки нерешительно замерли над завязками у груди.

– Вот ведь проклятье... – пробормотал он вслух, с непри-

вычки путаясь с узелками.

Наконец, сняв одежду, отвёл взгляд, сосредоточившись на ранах. К счастью, серьёзных не было – синяки, ссадины, несколько алых царапин от веток. Грязь и кровавые подтёки смыл водой из фляги, укрыл девушку своим тёплым плащом и на время вышел за водой и дровами.

Постирал в реке её платье, повесил сушиться на корягу. Развёл небольшой костёр. Эти простые хлопоты чуть отвлекли от тягостных дум о предательстве Эмили и помогли успокоиться. Боль так и ныла где-то под сердцем, но Эльвегорн нашёл в себе силы её просто не замечать. Его больше беспокоила эта девчонка. Будет обидно, если она так и не придёт в чувство.

Сумерки мягко, но настойчиво поглощали лес. Лёгкая дрема сморила следопыта, он провалился в короткий тревожный сон, сидя у входа в пещеру с луком на коленях.

Кира с трудом разомкнула тяжёлые веки. Сверху на каменном своде пещеры плясали жёлтые всполохи от костра, слышался шелест листьев. Пульсирующая боль в голове мешала сосредоточиться и понять, что же произошло. Она вдруг осознала, что лежит совершенно нагая на мягкой травяной подстилке, укрытая чьим-то плащом. Страх скользкой противной змеёй заполз в её душу, заставляя юное сердечко стучать раза в два чаще. Что с ней случилось? Память отвечать пока не желала. Кира с трудом повернула голову

вбок и увидела рядом молодого мужчину. Он спал сидя, при-слонившись к стене. Стало страшнее. Кто он? Что сделал с ней? Вопросы сменяли друг друга, создавая шум в голове, отчего боль усилилась. Непроизвольно вырвался жалобный стон. Сидящий мгновенно проснулся и посмотрел на неё. Неровное пламя костра осветило жёсткие скулы и мимолётную улыбку.

– Очнулась? Лежи, не вставай. Тебе неплохо досталось, – голос был низким, чуть хрипловатым от сна, но спокойным.

– Кто Вы? – Кира никак не могла отделаться от страха, хотя на вид незнакомец, кажется, не представлял угрозы.

– Следопыт, – мужчина подбросил в огонь пару веток. Достал из мешка котелок, наполнил его водой и повесил над костром, всыпал горсть сухих листьев. Делал всё без спешки, уверенно и привычно. На Киру почти не смотрел.

– Тебя как зовут? – задал он вопрос, помешивая настой.

– Вообще-то я первая спросила, – недовольно пробурчала она. Эльвегорн усмехнулся.

– Моё имя тебе ни к чему, – ответил следопыт. – Завтра мы разойдёмся и ты обо мне забудешь. Так будет лучше.

– Меня Кира зовут, – всё же сдалась она и попыталась сесть, придерживая плащ. Всё тело ужасно ломило. – А где моя одежда?

– Сушится, – коротко бросил Эльвегорн, кивнув в сторону, где на коряге висело выстиранное платье. – Всё было в крови. И не только. Что ты делала одна в лесу в такое время?

– Он испытующе посмотрел ей в глаза.

Кира капризно надулась. Устроил допрос, а сам о себе – ни слова. Она решила тоже молчать. Но хоть вопрос и прозвучал как обвинение, Кира в нём уловила заботу. Да, грубую, неявную, но заботу. Тот, кому всё равно, не стал бы и спрашивать.

Вода в котелке закипела. Эльвегорн зачерпнул кружкой травяной настой и протянул девушке.

– Пей. К утру боль должна утихнуть.

Кира поплотнее закуталась в плащ, так и норовивший сползти, взяла кружку обеими руками и, всё ещё не сводя глаз со следопыта, сделала небольшой глоток. Отвар был терпким и горьковатым на вкус. По телу прошла волна тепла. Страх отступал. Его место теперь заняло любопытство.

– А что со мной было? – спросила она.

– Завтра сама вспомнишь. Пей и ложись, – уже строго сказал Эльвегорн. Достал свою трубку, набил туда табак и закурил. – Как вспомнишь, так и поговорим.

Кира вздохнула, послушно выпила настой и снова легла. От плаща пахло дымом и веяло чем-то родным. Сон к ней пришёл почти сразу.

* * *

Впервые за несколько дней наевшись досыта – тушёной баранины с овощами и свежего мягкого хлеба, – Робин и Мирай поднялись в выделенную для них самую дешёвую комнату, которая находилась прямо под крышей. Впрочем, их не

смушал ни низкий потолок, ни крохотное окошко, затянутое паутиной и пылью, ни стойкий запах мышей и слежавшегося сена. Юноши скинули только плащи и ремни с оружием и прямо в одежде бросились на узкие жёсткие кровати. Почти одновременно вырвался общий вздох облегчения. Оба были измотаны до предела. Уже засыпая, Робин спихнул с себя сапоги. Звук их падения на деревянный пол был последним, что он услышал перед тем, как провалиться в глубокий сон.

Когда он открыл глаза, в комнате было темно, точно в погребке. Несколько минут Робин просто лежал, прислушиваясь к мерному сопению с соседней кровати. Мирай спал так сладко, что Робин будить его не решился.

Не зажигая огня, в темноте, быстро нашёл чехол с лютней. В тавернах обычно неплохо платят менестрелям, а деньги им сейчас ой как нужны.

Робин спустился вниз по деревянной скрипучей, как водится, лестнице в общий зал. По вечерам в тавернах всегда собирается много народа. Помимо постояльцев, местный люд, уставший от войн и жизненных неурядиц, стекался сюда пропустить пару кружек холодного пива, а кто побогаче – и чарку вина. Жизнь текла своим чередом: в гуле подвыпивших голосов, в громких шутках и смехе, в запахе пива и грохоте кружек о столы. Свет от масляных светильников отбрасывал длинные тени на почерневшие от копоти балки под потолком.

Робин нашёл свободное место в углу, собираясь настроить лютню. Он расстегнул чехол и... чуть не заплакал. Там, где гриф примыкает к корпусу лютни, разбежались уродливой паутиной глубокие трещины. О какой настройке могла идти речь, когда гриф почти с корнем был вырван из деки? Болт, что его держал, оказался сейчас бесполезной железкой, струны безвольно висели, не в силах издать ни малейшего звука. Робин тут же вспомнил, как свалился на спину, когда убежал от тёмных в лесу, вспомнил тот жалобный треск, который он принял за сломанную ветку. А после было не до осмотра, не до музыки.

Он провёл пальцем по трещинам, словно прощался, словно пытался запомнить каждую ранку.

При таком раскладе нечего и надеяться хоть что-то заработать. Вот сейчас Робин был готов действительно сдаться и опустить руки.

Одна из монет, что дал ему Мирай, с характерным звуком прокатилась по стойке и остановилась, прихлопнутая тяжёлой рукой хозяина таверны.

Кружка пенного призывно стояла перед Робинном на столе. Рядом с лежащей тут же безмолвной изувеченной лютней.

Робин решил выпить.

Глава 11

– Присяду? – я подошёл к белокурому юноше, когда он в отчаянии пил пиво, уставившись в одну точку, а точнее, на разбитую лютню, лежавшую перед ним тут же на столе.

Он кивнул, но на меня даже не глянул. Я сел напротив.

– Вижу, твоя лютня больше не поёт.

– Не поёт, – сказал он. – Она разбита, как и все мои мечты. Хотел вступить в отряд воинов, сам всё испортил. Хотел спеть, хоть монет заработать, а тут вот... – он горько кивнул на лютню.

Я поймал взгляд хозяина, знаком попросил себе пива. Нам было о чём побеседовать с расстроенным юным менестрелем. Вскоре служанка принесла ещё одну кружку пенного.

– Меня зовут Нимрас, – я протянул ему руку. Он с неохотой пожал.

– Робин.

– Знаешь, Робин, жизненный путь – это не прямая дорога, вымощенная гладким камнем, чтобы удобней было идти. Это извилистая тропа, где каждый поворот может оказаться последним. Но может, напротив, стать началом нового пути.

Робин посмотрел на меня. Его взгляд на мгновение замер, застыв в изумрудном сиянии моих глаз. Что ж, прекрасно. Он сам мне позволил прочесть его прошлое. «А парень не

прост», – мелькнула тогда мысль. Леди Судьба постаралась запутать дороги, и мне, как обычно, достались загадки... Я позволил ему отвести взгляд. Об этом моменте люди потом обычно не помнят. Оно и к лучшему.

– Да всё рухнуло, враз причём – горько проговорил Робин.

– Ну, может, не всё? – я попытался его отрезвить. – Неужели ты так легко сдашься? На развалинах-то проще построить, есть готовый фундамент.

– Ну да, легко говорить, когда у тебя всё хорошо, – он тяжело вздохнул.

Я наклонился к нему поближе:

– Я понимаю, ты сильно расстроился из-за лютни. У каждого из нас бывают тяжёлые дни. Но ведь именно трудности и делают нас сильнее. Лютня сломалась, но музыка-то в тебе продолжает звучать, разве нет?

Он опять взглянул на меня, в глазах промелькнула тень доверия. Я для него больше не был чужим, он увидел во мне того, кто способен его понять.

– Ты всё ещё хочешь быть воином? Хочешь защищать слабых? Помогать тем, кто нуждается в помощи?

Робин неуверенно кивнул.

– Выбор всегда только за тобой. Но часто ради мечты приходится что-то терять. Терять малое, чтобы обрести самое дорогое.

Я осторожно протянул руку к его сломанной лютне.

– Позволишь?

Он молча кивнул.

Я аккуратно взял в руки его инструмент. Дерево отозвалось под моими пальцами звуком, похожим на вздох.

– Она тебе верно служила, но у всего свой срок. Это будет её прощальной песней. Для тебя.

Я провёл рукой по треснутому корпусу, по ослабленным струнам. Для обычного барда эта лютня была мертва, но на мой зов она не могла не ответить.

Первый взятый мною аккорд заставил всех замолчать, звук был живым и глубоким. Я негромко запел:

Ты полмира прошёл, менестрель,

Прошагал за своею мечтой.

Твоя лютня разила без стрел,

Заставляя идти за собой.

Ты о радости пел, о любви,

О том мире, где всё хорошо,

Где рассветы–закаты – твои,

Как и путь, что ты в жизни прошёл.

Но наступит когда-нибудь час:

Чей-то крик разорвёт тишину.

То, что ты так искал – вот сейчас!

Делать выбор тебе самому.

Под рукою замолкнет струна,
Твои пальцы обнимут эфес.
Меч поднимешь и скажешь: пора!
И огонь твоё прошлое съест.¹

Закончив петь, я замолчал и взглянул на Робина. Ему предстоит самому выбрать путь.

По столу покатались монеты. Менестрелям платят неплохо. Я взял себе несколько, остальное оставил ему.

– Помни, Робин: важно не то, что случается с нами, а то, как мы это принимаем, – я бережно вернул его лютню на место и встал из-за стола. – Думаю, мы ещё увидимся.

¹ Наверяно песней Тэма Гринхилла «Когда менестрель берет в руки клинок»

Утро выдалось хмурым и не по-летнему промозглым.

Правда, Эльвегорну удалось почти сразу подстрелить крупного кролика, а это весьма вдохновляло. Сам он привык подолгу обходиться почти без еды. Кусок хлеба да чай. Главное, чтобы табак не кончился в кисете. Без трубки было бы точно тяжело, остальное пережить можно. А вот рыжую надо было накормить.

Кролик был вскоре разделан. Похлёбка варилась. Девчонка спала.

Эльвегорн вглядывался в её милостивое личико, почти сплошь усыпанное веснушками. Если бы он не пришёл в этот лес, страшно подумать, что было бы с ней. Да ведь и ему самому стало легче. Он криво ухмыльнулся этой мысли. Легче. А легче ли? Просто загнал на задворки сознания. Ладно, пусть так. С этим он позже решит, что делать.

Кира проснулась от запаха варёного мяса. Живот умоляюще заурчал. Голова хоть и болела, но уже далеко не так сильно, как ночью. Сейчас Кира вспомнила всё, что с ней приключилось, ровно до того момента, как один из эрнийцев схватил её и бросился вниз с обрыва. Дальше была темнота.

– Как ты? – спросил Эльвегорн, заметив, что Кира открыла глаза.

Она медленно села, всё так же кутаясь в плащ.

– Кажется, лучше, – Кира недовольно нахмурила лоб. – А можно спросить, с какой радости ты меня раздел? – она сама не заметила, как обратилась к нему на ты, словно они были

давними друзьями.

Эльвегорн чуть приподнял в удивлении бровь.

– Тебя надо было осмотреть.

Кира фыркнула.

– Хорошо осмотрел? Нашёл что-нибудь?

– Нашёл, – усмехнулся Эльвегорн, – ушибы и ссадины. И непомерную глупость. Что-то ещё нужно было?

Как же ей захотелось сейчас или кинуть в этого типа чем-нибудь весомым, или гордо подняться и уйти. Но под рукой ничего не было, а уходить без одежды неизвестно куда, тоже удовольствие сомнительное. Пришлось проглотить и смолчать.

– Можешь одеться, – сказал он. – Всё высохло. – Следопыт указал взглядом на ветку с висящими на ней платьем и нижней рубахой.

«– Вот ведь нахал!» – про себя возмутилась Кира, но вслух сказала другое. При этом покраснела до самых ушей.

– А может, тебе отвернуться, чтобы я могла это сделать?

Эльвегорн рассмеялся.

– Думаешь, я у тебя чего-то не видел?

И всё же поднялся и подал ей вещи.

– Держи. Я на тебя не смотрю. Пока.

Он снял с огня готовую похлёбку. Кира, всё так же краснея и косясь на его широкую спину, наконец-то оделась и под села поближе к костру, на пенёк, который Эльвегорн к ней подвинул ногой.

– Так что ты вчера одна забыла в лесу? – Следопыт протянул ей миску.

Девчонка картинно закатила глаза – вот пристал!

– Гуляла. Нельзя?

– А думаешь, можно? – Эльвегорн посмотрел ей в глаза, заставив на мгновение снова забыть кто она и зачем здесь сидит. Его взгляд добрался до юного сердца, которое затрепетало хрупкой бабочкой, пойманной в руку.

– Где ты живёшь?

– В Талионе.

– Как поешь, я тебя отведу.

– Я сама.

Эльвегорн отвернулся.

– Считаешь, я зря на этих тварей вчера целых две стрелы из-за тебя потратил?

Кира прикусила язык. Эльвегорн всем своим видом показывал, что спорить с ним бесполезно. Пришлось смириться.

По лесу шли молча. Следопыт был предельно сосредоточен и Киру держал рядом с собой, чтобы не отставала. Она же всю дорогу бросала взгляд на его лицо, словно пыталась запомнить каждую чёрточку. В нём всё ей казалось прекрасным. И даже шрам над губой не портил, но напротив, придавал оттенок суровости и отваги.

Рядом с ним ей было нисколько не страшно, она ощущала себя под какой-то особой защитой, и, честно сказать, расставаться с ним никак не хотелось. Вот имя бы ещё узнать...

– Всё. Дальше сама, – сказал Эльвегорн, когда они миновали городские ворота. – Родители-то есть?

Кира помотала головой.

– Только сестра.

– Ну бывай. Чтобы в лесу я тебя больше не видел.

– А мы ещё встретимся?

Он посмотрел в распахнутые, полные надежды глаза цвета весенней зелени, накинул на голову капюшон и, ничего не ответив, свернул в сторону. Всё-таки надо дойти до таверны и отдохнуть по-человечески. Девчонка была в безопасности, остальное его не касается.

Глава 12

Робин так и не смог больше уснуть. Вернувшись в комнату после встречи с Нимрасом, он до утра просидел на кровати с раненой лютней на коленях, точно держал умирающего друга и хотел разделить с душой, уходящей в мир предков, последние минуты. Солнце уже давно ворвалось в их тесную комнатку, осветив по углам слежавшуюся пыль. Мирай ещё спал.

При дневном свете сломанная лютня выглядела совсем плачевно. Было проще купить новую, чем починить эту. Удивительно, как тот менестрель, Нимрас, смог на ней так хорошо сыграть? Как он там пел? «Меч поднимешь и скажешь: пора! И огонь твоё прошлое съест». Слова отпечатались в памяти, словно надпись на камне.

Робину вспомнился Эльвегорн с его молчаливой уверенностью и внутренней силой. Он не носил с собой ничего лишнего, только то, что может спасти или убить. А что он, Робин? За спиной – лютня, в сумке альбом для рисунков, голова забита пустыми мечтами о славе и подвигах. Глупо и так по-детски. Прав был тогда Эльвегорн: надо взрослеть. Надо уже выбирать. Робин пытался быть всем: и художником, и воином, и менестрелем. А в результате оставался никем. Не собран, размазан, способен быть только обузой.

– А ты сам откуда? – вопрос Робина застал только что

проснувшегося Мирая врасплох.

Он глубоко вздохнул, чтобы снять напряжение. Новая роль давалась нелегко. Что сказать своему новому другу? Ведь сам Мирай совершенно не знает географии этой страны, не представляет, какие города и деревни здесь существуют.

– Да я... – начал он, стараясь придать голосу непринуждённость, – недалеко тут. С дедом мы жили. Он лавочку небольшую держал. Ну там всё, что по хозяйству нужно – от гвоздей до веников.

– А-а, – понимающе протянул Робин, пропустив мимо ушей, что место так и осталось без названия. На его добродушном лице появилась улыбка. – А я из Равы. Деревня такая, слышал? Но тут-то далековато будет, я пару недель добирался. До Энтина, правда. Сюда я уже с капитаном попал, по заданию.

Мирай мысленно поблагодарил судьбу за красноречие своего друга. Робин, казалось, наслаждался собственным рассказом, не особо интересуясь ответами собеседника.

– Я вот мечтал воином стать, – продолжал Робин. – Слабых защищать, справедливость вершить. Знаешь, как в легендах рассказывают!

– Я бы тоже хотел, – тихо ответил Мирай.

В этот момент солнечный луч упал на украшенную золотом рукоять меча, что выглядывала из ножен на поясе Мирая. Робин замер, невольно приоткрыв рот от изумления.

– А меч у тебя откуда такой? – спросил он восторженно.

– Я не видел похожих. Работа явно не местная.

– А, это у деда был, – поспешил ответить Мирай, стараясь говорить небрежно. – Даже не знаю, где он его взял. Может, выменял на что-то. Он такой у меня был, умел торговаться.

Робин кивнул, но Мирай заметил, как взгляд друга с явной завистью задержался на украшении.

– Слушай, – начал Мирай, наклоняясь ближе к собеседнику, словно делиась секретом, – а ты не научишь меня им владеть? Дед-то мне не давал заниматься, говорил, что не надо мне этого. Я всё больше ему помогал в лавке да по дому.

– О! – Робин заметно оживился, его глаза заблестели. – Конечно, помогу! Можем и прямо сейчас пойти на улице потренироваться. К тому же, вдруг капитан изволит вернуться, мы бы и тебя к нам в отряд взяли. Ты как на это смотришь?

– Я не против, – ответил Мирай. – Лишь бы твой капитан согласился.

– Он-то поди согласится. Только это, ты не смотри, он иногда вредный такой. Ну... Слишком серьёзный, что ли...

– Воин же, – резонно заметил Мирай, пожимая плечами. – У них это в порядке вещей.

– Да уж. Но мне это вряд ли грозит, я таким никогда не стану.

* * *

Тяжёлая дверь таверны «На перекрёстке» натужно закрипела, когда Эльвегорн переступил порог. Лучи полуден-

ного солнца, пробиваясь сквозь пыльные окна, рисовали на полу узоры из бликов. После яркого дневного света помещение показалось следопыту погружённым в уютную полутьму. Он остановился у порога, давая глазам привыкнуть к сумраку.

В дневную пору таверна жила своей особенной жизнью. Посетителей в этот час было гораздо меньше, чем вечером, но каждый из них казался частью особой атмосферы полуденного покоя. Торговцы обсуждали сделки, крестьяне делились новостями, а местные ремесленники коротали время за кружкой ледяного пива.

Эльвегорн двинулся к стойке, его сапоги мягко ступали по вымытому деревянному полу. Хозяин таверны, заметив вошедшего, слегка кивнул.

– Кружку эля и что-нибудь поесть. И комнату потише до завтра, – следопыт оставил на стойке медь и прошёл в дальний угол.

Со второго этажа по лестнице, оживлённо беседуя и размахивая руками, в это время спускались два молодых человека. В одном из них Эльвегорн сразу узнал Робина, второй, черноволосый, был ему не знаком. Юноши, заметив его, прервали разговор и обменялись взглядами.

– А вот и наш капитан, – разделяя каждое слово наигранно-торжественно произнёс Робин.

Он подошёл к столу Эльвегорна и уселся на стул. Мирай проследовал за ним, но во всём его облике сквозило напря-

жение и неуверенность, он остался стоять.

– Это мой новый друг, Мирай, – представил его Робин. – Было бы неплохо, если бы он остался с нами. Можно?

Эльвегорн был не в восторге. Возможность получить ещё одного Робина под своё начало следопыта нисколько не воодушевляла. Он долго и внимательно изучал лицо незнакомца, не произнося ни слова.

– Слушай...те, ну он явно лучше меня. Я вижу это. Ему можно доверять, – продолжал Робин уже не так уверенно. – Нам рядом с Вами нечего бояться, и слушаться мы будем.

Эльвегорн отвёл взгляд от стоящего юноши и молча приступил к своему обеду, давая понять, что разговор окончен, так, по сути, и не начавшись. С ответом он решил не спешить. У него ещё есть время подумать. До утра он позволил себе отдохнуть.

– Ладно, пошли, – сказал Робин Мираю почти обречённо, – он опять, похоже, не в духе.

Проходя мимо большого камина, Робин задержался, о чём-то глубоко задумавшись, вынул из сумки свою пострадавшую лютню, которую намеренно взял с собой, решившись на этот шаг, и аккуратно положил её в огонь. Было чувство, будто он похоронил сейчас кого-то очень близкого.

– Что ты делаешь?! – воскликнул Мирай, но Робин ему не ответил. Он лишь сглотнул подступивший к горлу ком и быстрым шагом вышел из таверны.

* * *

– Говорю тебе, видали его! – пышная, словно сдобная булочка, торговка пряностями, раскрасневшаяся от возбуждения, наклонилась через прилавок. – Вот прям, как в легендах говорится: поёт он, лютню нёс, и взгляд необычный, пронзительный такой, будто в самую душу заглядывает! И тени, тени-то не было у него! Совсем!

Её соседка, сухопарая торговка рыбой с обветренным лицом и жёсткими, как кора, руками, лишь презрительно фыркнула, продолжая тщательно вытирать пальцы о свой выцветший красный передник. Масляные пятна от жареной корюшки, которой она только что перекусила, медленно расплзались по ткани.

– Поёт, скажешь тоже! – проворчала она, морща нос. – Да тут менестрелей, как блох на бродячей собаке! Вон, пруд пруди. Каждый второй норовит лютню достать да запеть. И кто это видал-то, а? Очередной пьяница с улицы?

– Кто-кто! – толстушка всплеснула пухлыми руками, едва не рассыпав при этом пряности. – Агния видала! Мимо неё он прошёл, аккурат между прилавками с мёдом и шерстяными носками! Она ж у нас глазастая, не пропустит!

– Агния?! – собеседница разразилась хриплым, лающим смехом, от которого зазвенели медные кастрюли на соседнем прилавке. – Да ей, милая моя, кто хошь привидится при такой-то её любви к элю! Любой следопыт в лохмотьях покажется ангелом с крыльями, не то что этот твой... как его там... Странник Вечности! Небось, Агния твоя опять сказки

рассказывает, чтобы монетку на пинту выпросить!

Вокруг их спора уже начала собираться небольшая толпа зевак, привлечённых громкими голосами и необычностью темы. Кто-то качал головой, кто-то перешёптывался, а некоторые, самые любопытные, даже вытягивали шеи, пытаясь разглядеть, о ком идёт речь, будто виновник спора находился тут же, среди этих торговков.

– Да тебе завидно просто, что не ты его встретила! – не сдавалась пышная. Её голос набирал силу с каждым словом. – Говорят, кто с ним встретится – удачу на год вперёд получает!

– Удача ей, как же! – буркнула рыбачка, но в её глазах промелькнуло что-то похожее на интерес. – Сказок в детстве наслушалась, вот и городишь тут.

Торговки, разобидевшись друг на дружку, замолчали, словно утонув в обычном рыночном гуле и криках разносчиков, предлагающих свой товар.

Алипия чутко прислушивалась к этому случайному разговору, позабыв о новых красках и кистях, за которыми она и пришла сегодня на рынок. Уже не впервые за эту неделю девушка слышала о появлении в их краях того, о ком читала в детстве и кого мечтала встретить. Молодая художница столько раз пыталась написать его портрет, но приступая к работе понимала: не выходит. Не выходит он так, как представлялся в сознании.

Легенду о Страннике Вечности передавали из поколения в поколение, правда, как водится, меняя детали и приукрашивая на свой лад в меру фантазий рассказчиц. Редкая девчонка не мечтала встретить Странника на пути и стать его суженой. Ведь это сулило бессмертие и самую настоящую вечную любовь. Как правило, с возрастом приходило понимание, что всё это сказки и нужно жить настоящей жизнью, а не ждать чудес.

Вот только Алипия никак не могла стереть из памяти и сердца светлый образ Странника, проходящего там, где нет дорог, и видящего то, что от других сокрыто.

Все эти случайно подслушанные разговоры о появлении незнакомца вновь пробудили уснувшую было мечту и всколыхнули притихшую надежду.

«— Мне бы хоть просто увидеть его и запечатлеть на холсте», — думала она, понимая, что мечтать о большем просто дерзко, но в глубине души и тайно от себя самой продолжая надеяться.

Найдя ремесленный ряд, Алипия почти машинально купила то, что искала, и направилась к выходу, глубоко погружённая в мысли о Страннике. Вдруг кто-то совершенно бесцеремонно схватил её за запястье.

– Постой! Ты художница?

Алипия вздрогнула от неожиданности и резко развернулась. Перед ней стояла девчонка с рыжими, как огонь, волосами и ясными изумрудно-зелёными глазами. Почему-то именно эти глаза ей больше всего и запомнились. В них горела такая надежда и было столько жизни и чувств, каких Алипии давно уже не встречалось.

– Да, – ответила Алипия, – чем могу быть полезной?

– Меня Кира зовут, – поспешила сразу представиться рыжая. – А ты не могла бы один портрет нарисовать? Я опишу.

Девчонка так подкупала своей простотой и открытостью, что Алипия не решилась ей отказать, несмотря на то, что у неё уже было несколько срочных заказов.

– Тогда будем знакомы, – она приветливо улыбнулась и протянула руку. – Моё имя Алипия.

– Ты ведь недорого возьмёшь? – с надеждой и некоторым смущением поинтересовалась Кира, теребя рукав своего простенького платья. – У меня просто не так много монет. Мы с сестрой живём, а она та ещё любительница экономить на важных вещах.

Алипия подавила смешок.

– Наверное, твоей сестре виднее, что для вас важно. Но о

цене потом. Давай сперва разберёмся, что ты хочешь. Пойдём ко мне в мастерскую, я здесь недалеко живу.

Кира болтала всю дорогу, рассказывая интересные случаи из своей жизни. А учитывая её удивительную способность попадать в различные передряги, ей было о чём поведать.

Мастерская располагалась на первом этаже старого двухэтажного дома, построенного из камня, давно потемневшего от времени. Таких домов в городе было немало.

Здесь же художница и жила. Скромную комнату от мастерской отделяла лишь выцветшая занавеска с вышитыми на ней цветами.

Внутри царил творческий беспорядок. Большой стол был завален разноцветными минералами, скляночками с маслом и какими-то цветными порошками; старыми палитрами с давно засохшей краской. Кисти всевозможных форм и размеров торчали из специальных стаканчиков. Лежала пара альбомов с угольными набросками. Отдельно были сложены какие-то травы. У стен стояло несколько подрамников с натянутыми холстами в разных стадиях готовности. Центральное место занимал большой деревянный мольберт, развёрнутый к окну. Всё это создавало атмосферу творческого хаоса и вдохновения.

Кира с любопытством рассматривала всё, что можно было рассмотреть в этом царстве цвета и фантазии. Особенно её заинтересовал странный конусообразный камень, который лежал на отполированной небольшой плите. К удив-

лению девушки он оказался к тому же довольно тяжёлым. Тут же была ступка с пестиком. «Надо будет пораспрашивать, для чего это всё», – решила про себя Кира, но вдруг на мольберте она заметила незаконченный портрет молодого мужчины в тёмном плаще со звёздами и необычным взглядом ярко-изумрудных глаз, от чего волновавший её вопрос тут же вылетел из головы.

– А это кто? – с удивлением спросила она.

Алипия, отчего-то смутившись, быстро убрала холст, поставила его на пол и развернула к стене.

– Так, и чей портрет ты хотела? – строгим тоном спросила она, будто Кира увидела что-то очень личное, что никому не позволялось видеть.

– Прости, если что-то не так, – совершенно искренне извинилась Кира. – А нарисовать надо одного следопыта. У него волосы тёмные, а глаза карие. И шрам над губой. Вот тут прям, слева, – она показала на себе расположение шрама.

Алипия скептически потёрла переносицу.

– Под такое описание половина наших следопытов подходит. Ну давай попробуем, – художница взяла совсем небольшой натянутый холст и поставила его на мольберт. – Я буду рисовать, а ты поправляй.

Она умелой рукой наметила основные черты и приступила к работе, следуя подробным описаниям заказчицы.

– Глаза глубокие у него. И серьёзные, – заметила Кира.

Когда Алипия начала изображать усы с бородой, Кира ед-

ва не замахала руками.

– Нет-нет! Он без бороды, и усов у него нет!

– Ты серьёзно? – удивилась художница. – Если он такой молодой, как его в следопыты взяли?

– Да нет, он уже взрослый. Ну, лет двадцать пять, наверное. Точно старше меня будет. Как ты, наверное, и Эмили.

– Сестра твоя?

Кира кивнула.

– Ну без бороды, так без бороды, – пожала плечами Алипия. – Просто необычно так.

– Да, он такой, необычный, – тихо и как-то мечтательно улыбаясь, произнесла Кира.

– Ну что, похож? – спросила художница, сделав рисунок углём.

Кира с довольной улыбкой быстро-быстро закивала.

– Я сегодня не закончу. Ещё есть заказы. А послезавтра к вечеру прибегай, как раз краски успеют высохнуть. Получишь своего следопыта.

– У него ещё плащ с капюшоном, – решила уточнить у самого выхода Кира.

– И плащ будет, – усмехнулась художница.

Глава 13

Эмили с утра занималась лечебными травами. Ей как лекарю приходилось часто их собирать, сушить, раскладывать по льняным мешочкам и подписывать названия. Правда, последнее время сбор трав стал обязанностью её младшей сестры. Здесь, в Талионе, постоянно стоял военный гарнизон из-за близости к Харанскому лесу, что служил природной границей между Ханталией и враждебной северной Эрной.

Большую часть времени Эмили проводила в лазарете, но часто за ней приходили и домой, просили помочь раненым или обычным больным, которых всегда бывает много в любом городе или деревне.

Рядом с Эмили в этой скромной кухоньке с дощатым некрашеным полом, небольшим столом и почти всегда горящим очагом, на лавке сидела её родная сестра, рыжеволосая Кира. От кого той достался такой огненный цвет волос, для всех оставалось загадкой: в их семье были только блондины. Конечно, злые языки, как водится, за спиной поговаривали о неверности их матери, пока отец был на службе, но правды никто не знал, да и узнавать уже было не у кого. Отец погиб в очередном бою, а жизнь матери съела неизвестная болезнь буквально за несколько дней. Тогда-то, оставшись сиротой в 12 лет с пятилетней сестрёнкой на руках, Эмили и выбрала для себя род занятий. В отличие от младшей, она была все-

гда собрана и серьёзна. Ранняя тяжесть ответственности заставила её быстро повзрослеть и выковать твёрдый характер.

– И почему бы тебе давно не выйти замуж? – спросила Кира. – Всё ведь при тебе: и красивая, и умная. И работа всегда есть.

– Не говори глупостей, – поморщилась Эмили.

– Какие же это глупости? Тебе уже 24. Так и останешься в девках.

– Для меня это не главное.

– А что главное?

Эмили на миг отвлеклась от работы и задумалась.

– Людям помогать.

– А тебе кто поможет? Разве ты не хочешь, чтобы тебя любили? Носили на руках? Цветы дарили? – Кира мечтательно улыбнулась.

– Много ты знаешь о замужестве, – засмеялась сестра. – Вот найду тебе жениха и посмотрю, как ты запоёшь через годик.

– Ну-у, – протянула младшая. – Знаешь, если я и выйду за кого, то только за одного следопыта.

Старшая заинтересованно взглянула на сестру и отложила в сторону заполненный мешочек. – А вот это уже интересно. И как его зовут?

– Не знаю, – пожала та плечами. – Он спас меня на прошлой неделе от тёмных.

Эмили нахмурилась.

– Ты не рассказывала мне об этом.

– Не рассказывала, – согласилась Кира. – Ты была на дежурстве. Да и к слову не приходилось.

– И как же выглядит твой следопыт?

– Ну, в сером-зелёном плаще, лук за спиной, темноволосый...

Старшая рассмеялась.

– Таких тут сотни ходят.

– Таких да не таких. Он особенный. Его ни с кем не спутаешь.

Эмили пожала плечами, мол, будь по-твоему. Ей нужно было сосредоточиться на работе, чтобы ничего не перепутать.

– Эмили... – чуть проникновенным тоном вновь заговорила Кира.

– М?

– А ты мне не дашь денег на меч?

Эмили удивлённо подняла брови и взглянула на сестру.

– Зачем тебе меч?

– Думаешь, мне не страшно по лесу ходить? А так хоть защититься смогу.

Эмили на минуту задумалась.

– Но ты же понимаешь, – заговорила она после паузы, – у нас с тобой каждая монетка на счету. А хороший меч стоит слишком дорого.

– Ну это хороший... Можно же поискать и поскромнее...

Догадываясь, что меч ей всё-таки не светит, Кира сложила руки на стол и опустила на них голову, при этом тоскливо вздохнув.

– А ещё у него шрам на губе был, я запомнила... – вдруг добавила она вполголоса, на миг снова погружившись в свои воспоминания.

Эмили, услышав сказанное, чуть не рассыпала траву на пол. С таким шрамом один ей известен. Хотя мало ли следопытов со шрамами. Только вот руки предательски задрожали – а что если... он?

Она схватила с лавки пустое ведро и сунула сестре.

– Давай-ка лучше воды нам принеси, невеста! – Эмили постаралась придать голосу непринуждённость, чтобы не выдать волнения, но вышло неубедительно. Впрочем, младшая, кажется, ничего и не заметила. Она лишь скорчила капризную рожицу, взяла ведро и нехотя поплелась до городского колодца.

* * *

Уже с неделю маленький отряд Эльвегорна обитал в одном из старых деревянных домов, уютившихся под боком двухэтажных каменных, недалеко от городских ворот.

Робин с Мираем усердно постигали науку владения мечом на небольшом внутреннем дворике, удачно скрытом от посторонних взглядов соседними стенами домов. Эльвегорн им в этом не препятствовал, но и с собой пока никуда не брал. Сам он дома почти не ночевал, уходя куда-то с наступлением сумерек и возвращаясь лишь утром.

Робин старался не раздражать капитана: не приставал с расспросами и даже пытался угодить, проявляя ненавязчивую заботу – горячий обед на столе был всегда. Впрочем, готовил больше Мирай. Как выяснилось, у того были к этому большие способности. С новым товарищем Робину оказалось очень даже неплохо. Одно лишь его беспокоило: хотелось уже вкусить воинской жизни, а Эльвегорн, похоже, не особо с этим спешил. Да и в целом, кажется, не очень-то им доверял.

В этот день, после полудня, следопыт против обыкновения вышел во внутренний двор и, раскурив свою трубку, стал внимательно наблюдать за юнцами. Мирай оказался способным учеником, схватывал всё с первого раза. Немного не хватало сноровки, но это дело времени.

– Держи удар! – выкрикнул Эльвегорн Мираю, видя, как Робин хитрой уловкой отводит внимание соперника.

В целом следопыт был не против Мирая в отряде. Вёл он себя, в отличие от Робина, довольно тихо и скромно, в отношении Эвегорна проявлял уважение, а, быть может, и некий страх. Впрочем, это мало волновало следопыта. Лишь бы не лез, куда не просят, и делал, что говорят.

Наигравшись с мечом, Робин подсел к капитану, пока товарищ ушёл попить и немного отдохнуть.

– Слушай, – начал Робин, – а всё-таки, что это за девушка тогда была? Ну, с Энгрином?

Эльвегорн недовольно поморщился. Не лучшая выбрана тема для беседы. Только его хорошее настроение в предвкушении вечерней вылазки, которая обещала быть удачной, позволило ему не сорваться на очередной подзатыльник любопытному юнцу.

– Тебе зачем?

– Ну интересно же. Ты так сразу изменился, когда увидел. Я даже глазам не поверил.

Эльвегорн затаился и медленно выдохнул дым.

– И вообще, с чего ты взял, что между ними что-то есть? Мало ли кто с кем ходит под ручку? – продолжал Робин, искоса наблюдая за выражением лица следопыта, чтобы невзначай не переусердствовать. – Разузнал бы всё сначала, а потом уж кипятился.

– Много ты понимаешь, – недовольно буркнул Эльвегорн,

выдав-таки несильный подзатыльник юнцу. Но слова мальчишки вселили хоть небольшую, но всё же, надежду. Может, и стоит попробовать выяснить.

Робин, усмехнувшись, почесал вихрастый затылок после удара.

– Слушай, – опять заговорил он, – а ты нас собираешься когда-нибудь с собой брать? Или мы так и будем тут сидеть, обеды тебе готовить?

Эльвегорн криво ухмыльнулся:

– У вас неплохо получается.

Он докурил, высыпал пепел на землю и поднялся.

– Сегодня вечером. Будьте готовы.

* * *

В этот час в лесу было тихо. Двигались максимально бесшумно. Впрочем, получалось это только у Эльвегорна. Он скользил в темноте, словно тень, а внимательный взгляд выхватывал малейшие детали среди силуэтов Харанского леса. Робина и Мирая же то и дело выдавал треск веток под ногами. Иногда тяжёлые вздохи. Но в целом Эльвегорн был доволен. Будут послушны – научит их многому.

Следопыт знал точное расположение небольшого эрнийского лагеря. Минувшие ночи прошли не впустую. Десять волчьих отродий. Но сегодня – сейчас – он избавит мир от этой ноши.

Робин на этот раз был весьма серьёзен и сосредоточен, возможно, пытался покрасоваться перед товарищем, изоб-

ражая из себя опытного воина-следопыта. Но Эльвегорн догадывался, какие такты отбивали их юные сердца. Тем не менее никто из них внешне не выказывал страха.

Внезапно следопыт замер и поднял руку. Его спутники остановились, затаив дыхание. Впереди послышались приглушённые голоса. Эльвегорн жестом показал каждому направление и шёпотом распределил задачи: Робин заходит в лагерь справа, Мирай – слева. Себе Эльвегорн оставил самое сложное.

Десять тёмных расположились вокруг костра. Трое сидели на страже, общаясь вполголоса. Остальные вполне мирно спали.

Эльвегорн осмотрелся и подал сигнал к атаке. Всё произошло стремительно. Метким выстрелом из лука следопыт убрал одного из караульных, что сидел к нему спиной, и тем самым отвлёк внимание остальных. Робин с Мираем бесшумно подкрались с разных сторон к двум спящим воинам и точным движением пронзили их мечами. Вторая стрела Эльвегорна также нашла свою цель.

Выхватив меч, следопыт показался из тени, отправив в небытие последнего охранника. Оставшиеся враги, разбуженные шумом, схватились за оружие, но поздно, удача была на стороне ханталийцев. Они действовали слаженно и решительно, хотя руки молодых бойцов слегка дрожали от напряжения.

Через несколько минут всё закончилось. Лагерь погрузил-

ся в тишину, нарушаемую лишь редким треском догорающего костра. Эльвегорн оглядел поле боя, чтобы убедиться, что все мертвы. Робин и Мирай стояли рядом, тяжело дыша и всё ещё не веря, что выжили в своей первой серьёзной вылазке.

– Отлично, – тихо произнёс Эльвегорн, одобрительно кивнув своим ученикам.

Глава 14

Эмили услышала чьи-то шаги за порогом. Скрипнула дверь. Целительница обернулась на вошедшего. Днём они с сестрой не закрывались, даже несмотря на тревожное время: в любой момент могла понадобиться помощь лекаря.

На пороге стоял высокий мужчина в плаще следопыта с надвинутым на лицо капюшоном.

– Чем могу служить? – привычно спросила Эмили, внимательно вглядываясь в незнакомца, быть может, даже более пристально, чем того позволяли правила учтивости.

Человек в плаще молчал, видимо, раздумывая над ответом. Затем снял капюшон.

– Эльв? Эльв! – девушка бросилась было к нему, но обнять не решилась. Они не были настолько близки. Во всяком случае так считала сама Эмили.

Около полугода назад Эльвегорн, впервые тяжело раненый, попал в лазарет Талиона. Тогда они и познакомились. Несмотря на то, что молодой следопыт был молчалив и сосредоточен, он чем-то притягивал к себе, как сложная загадка, которую хочется разгадать во что бы то ни стало. Каким-то чудом Эмили удалось его отчасти разговорить. Немного поправившись, он даже взялся её тренировать в стрельбе из лука. И вот сейчас, спустя несколько месяцев, он снова стоял перед ней.

– Я надеюсь, ты не ранен? – заботливо спросила она.

– Нет. Хотя, как посмотреть.

Всё тот же сосредоточенный взгляд. Но будто глаза стали темнее. Что привело его к ней? Эмили пыталась хоть что-то прочесть на знакомом лице, но Эльвегорн был как будто не здесь.

Он осмотрелся. В каждом его жесте чувствовалось напряжение. Словно что-то хотел сказать, но никак не решался.

Пауза затянулась.

– Он тебя любит?

– Что? Ты о ком? – Эмили нахмурила лоб, пытаясь понять, о чём речь.

– Энгрин.

Следопыт сейчас смотрел прямо в глаза, и от этого взгляда становилось не по себе. Вообще вся эта ситуация вызывала тревогу и желание как можно скорее закончить непонятный и весьма неприятный разговор.

Эльвегорн подошёл ближе. Эмили невольно отпрянула. Но отступать было некуда: спина ощутила холод каменной стены, а лицо – дыхание следопыта. Пронзительный взгляд пригвождал её к месту. Эльвегорн наклонился, заключая Эмили в плен своих рук – они упёрлись в стену по обе стороны от её головы.

– Что у вас было? Я видел, как ты шла с ним под руку.

Эмили вспомнила тот день. Накануне несколько суток ей

почти не удавалось поспать, было очень много раненых. Тогда к ним в лазарет и зашёл младший сын короля: он искренне переживал за здоровье воинов, а её, Эмили, в тот самый момент угораздило от усталости покачнуться. Как истинный рыцарь, лорд Энгрин проявил заботу и вызвался сам проводить её домой, взяв для надёжности под руку. Эмили не сопротивлялась, но и мечтать не смела о том, что между ними может быть нечто большее. Хотя, признаться честно, быть возлюбленной наследника короля – эта мысль изрядно тешила самолюбие, и будь такая возможность, отказывать ему Эмили бы не стала. Но слова Эльвегорна...

Она натянуто улыбнулась. Её осенила догадка.

– Так ты хочешь сказать, что я для тебя что-то значу? – Эмили распрямила плечи и с лёгкой усмешкой посмотрела на Эльвегорна. – Ты мне об этом не говорил, чтобы иметь право вот так требовать отчёта. Как раз у нас с тобой ничего и не было. Или я чего-то не помню?

Следопыт отвёл взгляд и тяжело вздохнул. На что он вообще рассчитывал, когда шёл сюда? Что она бросится на колени с мольбой о прощении? Что она будет умолять её выслушать и дать ещё один шанс? Она, быть может, единственная, кому он мог бы, нет, хотел бы открыться хоть немного, кто мог согреть и смягчить его огрубевшее сердце. Как же он ошибался! Нет никого и не может быть, кто сумел бы до конца понять и увидеть его душу, погрузиться в его глубину, не боясь задохнуться.

Он с силой ударил кулаком по стене и убрал от её лица руку. Эмили перевела дыхание, не сводя с него глаз.

– Эльвегорн, ты не в себе. И знаешь, ты изменился.

Она осторожно положила руку ему на плечо. Тот дёрнулся, словно от боли и отошёл к столу.

– Прости, если я причинила тебе боль...

– Боль... Ты действительно что-то знаешь о боли?.. – следопыт поднял со стола нож, примеряя его вес в своей ладони. Некая странная гримаса, схожая с улыбкой, никак не сходила с его лица. – Привыкла лечить чужую, ни разу не испытывала её сама.

Нож вернулся на место.

Эльвегорн вышел.

На улице, у самой двери следопыт едва не столкнулся с Кирой, на несколько секунд их взгляды пересеклись. В его глазах не было привычного спокойствия. Сейчас они блестели как у хищника, что вот-вот бросится на загнанную в угол жертву. Эльвегорн накинул на голову капюшон и, ни слова не проронив, стремительным шагом двинулся дальше.

Кира осторожно вошла в дом и с облегчением выдохнула, увидев сестру за столом, целую и невредимую. Она слышала за дверью лишь часть разговора, но достаточно для того, чтобы понять его суть.

– Он не обидел тебя? – осторожно спросила Кира.

Эмили отрицательно помотала головой, но на сестру даже не посмотрела. Она сидела с таким пустым и холодным

взглядом, что нельзя было разобрать: потрясение это или горделивая неприступность.

– Я сегодня ночью буду в лазарете, – наконец сухо сказала она. – Не теряй меня.

Кира молча прошла в свою комнату и в бессилии бросилась на кровать. Сердечко хотело выскочить из девичьей груди, а мысли роились осами и жалили беспощадно. Кира закрыла глаза, пытаюсь унять дрожь в руках.

«Почему она?» – думала Кира, забравшись на кровать с ногами и прижав колени к груди. В памяти всплыли моменты, когда Эльвегорн, – да, теперь она знала его имя – смотрел на неё, там, в лесу. И потом, при прощании – внимательный, изучающий, с лёгкой насмешкой взгляд. Ей казалось, что в этих карих глазах она видела нечто большее, чем просто участие. Но, видать, обманывала себя.

Горькая усмешка искривила губы. Сколько раз она представляла себе, как они могли бы быть вместе. Как могли бы смеяться над глупыми шутками, гулять вечером по пустынным улицам, держась за руки. Но всё это были лишь мечты: детские, глупые, несбыточные.

«Почему этой Эмили снова может достаться то, что так дорого ей, Кире? Судьба так жестока и ужасно несправедлива». Горькие слёзы были готовы пролиться из глаз, но Кира сдержалась. Лишь всхлипнула от обиды. Она не покажет сестре своей слабости. И больше ничего не расскажет. Но сделает всё, чтобы Эльв её полюбил. Что это – «всё» – она

и сама не знала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.